

Последнее лето

Длинная дорога

Что тянется дольше всего? Перелет в другое полушарие? Нет. Стояние в очереди за чрезвычайно неторопливыми людьми, когда ты спешешь? Вряд ли. Тот вариант, о котором ты подумал, тоже отменяется. Только если ты не имел в виду пары — ведь это действительно страшно. Но в данную минуту меня радует, что эта пара, судя по всему, кончается.

— Эй, — толкаю я локтем Витю, — сколько до конца? — И киваю в сторону преподавателя.

— До ее конца? — усмехается Витя. — Думаю, недолго.

— Ты меня понял, — отвечаю я с кислой улыбкой.

— Прошло только десять минут, — Витя показывает мне часы на телефоне.

— Что?! — переспрашиваю я довольно громко, не поверив своим глазам, и Бабушка — так у нас зовется пожилая преподавательница — повторяет что-то про энергоснабжение какой-то аппаратуры.

Так заканчивается вторая неделя моей учебы на третьем курсе колледжа. Долго же она тянулась, даже слишком. Иногда мне кажется, что некоторые учителя обладают способностью останавливать время.

Но звонок все же прозвенел; пора домой. Путь неблизкий: сначала метро, до которого нужно идти пешком не один километр, потом автобус, и его приходится ждать иногда по часу. Эта долгая дорога приводит меня в небольшой город, в котором я живу.

Я простой парень без интересов и, можно сказать, без друзей: кроме Вити, диалог мало с кем складывается. С общением у меня проблемы. Если вокруг больше трех человек одновременно, я — наверно, от волнения — могу путать буквы в словах или слова в предложениях, хотя в голове они звучат складно.

Про девушек и говорить не хочется. В свои семнадцать я даже за руку ни одну из них не держал, а разговоры если и вел, то только вроде: «Что нам задали сегодня?» Но вообще-то, когда не плачу по ночам, на жизнь не жалуюсь. К тому же теперь выходит много качественных сериалов, да и PlayStation поддерживает в трудные минуты.

Отец у меня иностранец, но, когда в его страну послали немного демократии, осколком ему разорвало живот и он так и не узнал о великих ценностях, нагрывших в его родной дом. Это случилось, когда мне исполнилось три года: он всего на неделю полетел провести свою маму. И у меня на данный момент осталась только моя мама.

Нам хорошо и вдвоем: пицца по выходным, суши по праздникам. А в остальные дни мне приходится копить на курицу в лаваше, но зато раз в две недели я навещаю дружелюбного повара, владельца закусочной, в которой она продается.

Ударившись головой о край дверного проема, я вышел из вагона метро. До автобуса идти всего несколько минут, но это не спасло меня от проливного дождя, а в отсутствие, и вполне предсказуемое, автобуса я вообще рисковал отправиться на больничный. Зонта у меня никогда не было, так же как перчаток зимой и солнцезащитных очков летом.

Я всегда смотрю на лица прохожих, поэтому и на остановке оглядел своих будущих попутчиков. Три бабушки, обсуждающие политику. Мне всегда был интересен этот феномен: в любое время дня, в любой день недели как минимум половина пассажиров — пенсионеры. Куда можно ездить каждый день? Я уже думаю, что на пенсии и сам буду просыпаться в пять утра, идти на первый автобус и весь день кататься, периодически меняя направление и не забывая одергивать водителя и всех, кто проходит мимо. Хотя, конечно, это занятие — главным образом для бабушек.

Еще на остановке два парня примерно моего возраста. Они стоят рядом, но при этом смотрят в свои телефоны.

За ними — семь человек средних лет, они и не знакомы друг с другом, и их рабочий день подошел к концу...

Автобус подъехал. На этот раз его почти не пришлось ждать.

Мое любимое место — одиночное сиденье в самом хвосте. Справа окно, слева стена, за которой, судя по всему, прячется двигатель.

Пока мы стояли, зашло еще человек пять, их я уже не разглядывал.

Капли дождя стекают по грязному стеклу.

Одна из бабушек стала кричать водителю, что пора ехать, что эта сволочь неблагодарная, которая приехала в ее великую страну (хотя водитель явно местный), неуважительно относится к пожилым людям. Дед и еще две бабушки ее поддержали, но сразу несколько человек попросили старшее поколение сидеть молча. С моего места мне почти никого не было видно — и, наверно, к лучшему.

Автобус наконец тронулся, но тут же резко остановился, и в среднюю дверь запыхаясь влетела она. Синие кроссовки, узкие черные джинсы, кожаная куртка нараспашку, а под ней — рубашка в клетку. Светлые волосы до плеч прижаты синими наушниками, за спиной болтается рюкзак, черный с розовым. Она бросила быстрый взгляд вдоль салона, отыскивая место получше, и пошла в мою сторону.

Я смотрел на нее, то и дело поглядывая в окно, чтобы никто не думал, чего это я на нее уставился.

Когда девушка двинулась в конец автобуса, у меня едва не перехватило дыхание. Такое со мной случается не часто, но, по причинам, изложенным выше, именно это сейчас и произошло. Я заерзал на сиденье, изо всех сил стараясь сделать вид, что даже внимания на нее не обратил.

И вот она идет прямо на меня, ни разу не взглянув в мою сторону, и, что самое ужасное, — а может быть, прекрасное, — садится напротив. Нас разделяет меньше двух метров. И вот тут я, кажется, перестал дышать.

На дорогах начинаются пробки. Незнакомка не обращает на меня ни малейшего внимания, но я периодически кручу головой, якобы разглядывая салон, но при этом стараясь запомнить ее лицо.

Большую часть времени я смотрю в окно, где почти ничего не видно. Но зато можно подумать о прошлом, о будущем и, самое главное, о настоящем.

Двадцать первый век — век общения. Хотя люди и стали реже выходить из своих квартир, но на смену живому общению пришел интернет с социальными сетями. Мне это не помогает. В соцсети у меня несколько десятков диалогов, но, наверно, половина из них оборвалась уже больше года назад, а другие пополняются новыми сообщениями крайне редко. Мне никто не пишет, такой уж я человек. Я не очень люблю людей, и они отвечают взаимностью. От всего этого бывает больно где-то в груди.

Одно полушарие предлагает подойти к ней и познакомиться, но второе категорически боится и стесняется. Что я ей скажу? Вдруг я урод, на которого и смотреть-то противно?

А ведь в прошлом у меня было несколько друзей, но где они теперь и что с ними стало, знают только они. Витю я, конечно, могу назвать своим единственным другом, но у него и помимо меня есть друзья, поэтому я стараюсь не навязываться.

О чем вообще говорят между собой мои ровесники? Для меня это загадка.

Я смотрю на капли, и веки тяжелеют, но я не сплю в транспорте, не получается.

Интересно, что за человек эта девушка, о чем она думает и какое у нее имя? Пожалуй, буду называть ее Овсянка. Как птицу — расписную овсянку. У той голова синяя, а у Овсянки — наушники. Нет, я не изучаю биологию, просто случайно наткнулся на эту птичку в интернете, а она красивая и зовется интересно, как каша. Кстати, по-моему, довольно вкусная.

Ладно, хватит объяснять самому себе. Овсянка и Овсянка. Все равно через несколько дней я о ней и не вспомню. Со мной такое бывает, я себя знаю, но раньше я не давал девушкам имена. В ней есть что-то особенное.

Овсянка зевнула, прикрыв рот рукой, и заметила мой взгляд. И тут случилось невероятное. Я не поверил своим глазам и открыл рот. Она улыбнулась. Улыбнулась мне. И это, пожалуй, самое прекрасное, что случилось в моей жизни за последнее время.

Конечно, я — как умный и обаятельный герой, да к тому же еще и бесстрашный — отвернулся к окну и сделал вид, что ничего не видел и меня вообще здесь нет. Вечером, под душем, я наверняка не раз назову себя дебилом и не сразу засну, представляя варианты моих действий в этом треклятом автобусе, но сейчас я просто отвернулся. Неудачник.

Моя остановка будет уже минут через пять, пробки позади, в животе урчит от голода, голова сонная. Овсянка все еще передо мной. Интересно, местная ли она, увижу ли я ее снова?

Я встал и подошел к двери. Автобус начал тормозить, как вдруг я заметил боковым зрением, что Овсянка стоит рядом. Я, конечно, повторил свой героический поступок и невероятным усилием сделал вид, что я совсем один. Неудачник.

Ростом она на полголовы ниже меня, наверно, это идеально.

Двери открылись, я вышел первый — рядом же никого не было — и с опущенной головой двинулся в сторону дома. Дождь прекратился, хотя небо по-прежнему было затянуто тучами.

— Мне нравится дождь, но из-за него хочется спать.

Скорее всего, это раскат грома или галлюцинация. Впрочем, голос нежный, с легкой хрипотцой.

И тут произошло нечто ужасное. Я подавился слюной, стал откашливаться, наступил в лужу, споткнулся о камень, которого не заметил, и не удержался на ногах. В такие моменты я мысленно спрашиваю у кого-то: «И к чему это произошло? Это было прям так обязательно? Серьезно?» Ответа, конечно, не следует. На мой позор высшие силы потратили всего лишь пару секунд земного времени.

— Но, конечно, в дожде есть свои недостатки.

Опять этот голос. Я подскочил, все еще кашляя, и чуть не врезался в Овсянку.

И вот это прекрасное создание стоит и смотрит на меня не менее прекрасными глазами. Она говорит со мной. Это правда, она стоит напротив и говорит со мной.

— По спине постучать? — спросила она, и я кивнул.

Наверно, надо что-то сказать, но что говорят люди в такой ситуации?

— Тебя не забрызгал? — спросил я, понимая, что сам весь мокрый.

— Не, лужа не такая уж глубокая, брызги не долетели.

О, этот голос и улыбка.

— Привет, — протянул я ей руку.

НЕУДАЧНИК.

— Привет, — она улыбнулась и пожала мне руку, немного наклонившись вперед.

Рука у нее была мягкая.

— Ты здесь живешь? — спросил я.

— Да. Уже несколько месяцев, а до этого жила на другом конце города. Ты, наверно, меня раньше и не видел поэтому, а я тебя видела несколько раз в торговом центре, любитель курочки. — Она снова улыбнулась. — Ты тоже здесь живешь?

— Да. С рождения, — автоматически ответил я, уже откашлявшись.

ОНА МЕНЯ РАНЬШЕ ВИДЕЛА. ОНА! Главное сейчас — крепко стоять на ногах и постараться снова не закашляться.

— Ясно. Тут, наверно, хорошо? Лес рядом. Я люблю лес — высокие деревья, родники...

— Слушай, Овсянка...

Я сказал это вслух. Сам бы не поверил, но я назвал ее Овсянкой.

— Овсянка? Ты так меня из-за птицы назвал или в честь каши? Просто если в честь каши — это можно расценить как то, что я бесформенная, но это вроде не так, да и кожа у меня гладкая, не похожая на кашу. А можно подумать, что я слежу за здоровьем и ем кашу, что на самом деле правда, — сказала она.

— Прости. В честь пиццы, ой, птицы. Я не думал, что ты что-нибудь про нее знаешь. — Пот с меня лился как из ведра.

— Мне нравятся птицы. Но почему овсянка? — удивилась она и, кажется, не подумала, что я псих, и не разозлилась, ей это даже понравилось.

— Расписная овсянка, — успел сказать я.

— А, синие наушники, а у нее голова синяя. Умно. Мне нравится, можешь про себя так меня и называть, — улыбнулась она.

— А как твое настоящее имя? — выговорил я чуть ли не по слогам, чтобы не сбиться.

— А пускай это будет загадка. Мое имя — Овсянка.

Она снова улыбнулась. Или улыбка и не сходила с ее лица?

— Хорошо. Ладно. — Я помолчал. — Меня зовут...

— Нет, стоп, не хочу знать. — Я немного испугался. — Я буду называть тебя Бамбук.

— Бамбук? — удивился я. — Почему Бамбук?

— Не знаю, просто в голову пришло. Ты медлительный немного, стройный и не низкий. Бамбук, — сказала Овсянка.

— Ну, пусть будет Бамбук, — выдохнул я.

— Не обидно?

— Да нормально, могло быть и хуже, — теперь я тоже улыбнулся.

Давай, Бамбук, думай, что сказать. Наверно, надо пригласить ее погулять, но я не люблю гулять. А что она любит? Лес и дождь. Так, дождь я предложить не смогу, что тогда остается? Позову по старинке в кино. Плохой вариант, сейчас не идет ничего хорошего. А может, она любит плохие фильмы? Я их не люблю, но ради нее можно посмотреть и плохой фильм. Да, точно в кино.

— Бамбук, завтра выходной. Ты ничем не занят? — спросила она.

— Завтра? — Ну, сериалы. Нет, стоп: — Ничем не занят.

Давай, теперь про кино.

— Слушай, может тогда погуляем? В лесходим? — Она тихо рассмеялась и, насупив брови, продолжила: — Ты, наверно, подумал, что я ненормальная — сразу в лес, но я не хочу тебя убивать. Да и не только тебя, вообще никого убивать не хочу. Обещаю, ты вернешься домой живой и здоровый. Блин, что я про свой лес. Не хочешь в лес — давай по городу погуляем? Если ты, конечно, свободен. — Она зажмурилась и неловко сомкнула руки на груди.

— Лес? Хорошо, пошли в лес. Ты тоже домой вернешься. Здоровой. Надеюсь, — сказал я, и она снова засмеялась.

От ее смеха мозг словно танцует. Слушал бы и слушал.

— Ты в каких социальных сетях есть? — спросил я.

— Меня там нет. Давай, чтоб было проще, завтра здесь в полдень. Удобно?

— Удобно. А если я вдруг не смогу или ты не сможешь, то как мы узнаем? Может, номер свой дашь или я свой?

— Я свой не помню и твой забуду, наверно. Давай просто здесь в двенадцать. Я приду, — сказала она.

— Хорошо, и я приду. Надеюсь.

— Пока, — махнула она рукой и ушла.

Я, ничего не понимая, развернулся и пошел к дому, все так же улыбаясь. Прошел мимо своего подъезда и быстро вернулся.

Мама встретила меня, как только я открыл дверь, сходу поприветствовав:

— Ой, ужас, ты что, под ноги не смотришь?

— Ты о чем? — не понял я, возвращаясь в реальность.

— У тебя вся одежда грязная. Да и мокрый весь! Завтра зонт возьмешь, — грозно сказала она.

— Завтра же выходной. А это я в лужу упал, их сейчас не обойти.

— Снимай вещи, в стиралку закину. Есть будешь?

— Да, не откажусь.

Я переоделся и бросил все в стирку.

Бесконечно можно смотреть, как течет вода, как горит огонь и как крутится барабан стиральной машины. Уставившись в одну точку, я попытался думать о том, что произошло, и завис.

Вдруг сбоку появилась мама:

— Ты чего такой довольный тут сидишь? Иди делом займись, только поешь сначала.

— Да я просто... А мне нельзя быть довольным? — пошутил я.

— Можно, но сейчас это выглядит странно. — И мама пошла на кухню.

В своей комнате я включил ноутбук, принес еду и, как обычно, стал смотреть сериал. Глупая комедия про плохую жизнь в моей стране обычно поднимала настроение, но сейчас я почти все пропустил мимо ушей.

Доедая, я пробормотал:

— Как в наше время человека может не быть в социальных сетях?

И стал искать ее. Это предприятие с самого начала было обречено на провал. Я не знал даже имени, поэтому, как и предполагалось, поиски не дали никакого результата.

«Любитель курочки» — так она меня назвала. Наверно, она и вправду обо мне что-то знает.

Как следует собраться с мыслями я смог, только когда лег спать.

За окном светит фонарь, комнату накрыла тьма. В голове — один-единственный вопрос: «Что это вообще было?» И ответить на него не так-то просто.

А вдруг это все шутка? Банальный розыгрыш. Что делать в такой ситуации? Хорошо, завтра я пойду в то место к двенадцати часам, маме скажу, что Витя позвал в кино. Если ее там не будет, просто сделаю вид, что никого я не ищу, и пойду домой, а маме скажу, что Витя заболел.

А вдруг я на самом деле ей понравился? Это, конечно, на грани фантастики, но всякое бывает. До этого на меня не то что никто не обращал внимания, а время от времени я ощущал некое презрение, исходившее от противоположного пола. А тут такая красавица — да что там красавица, ангел — сама заговорила со мной. Да еще и видела меня раньше. Нет, это точно злая шутка. Как трудно быть чувствительным и ранимым. Главное, не заплакать прямо там, на улице, и сдержаться при маме, а вот вечером под душем уже можно будет дать волю эмоциям.

И я заснул.

Резко вскочив от приснившегося падения, я увидел, что уже светло. На лбу выступил холодный пот. Надеюсь, сейчас не двенадцать. Я посмотрел на часы. Для выходного это очень рано — восемь утра.

А что, если она мне приснилась? Вчерашнее точно не может быть правдой.

Попытавшись уснуть и поняв, что это уже бесполезно, я взял телефон и начал, как обычно, листать новостную ленту в соцсети. Услышал, как мама проснулась. Она начала говорить, что сегодня день уборки. Все как всегда. Я сказал, что договорился пойти с Витей в кино. Она, конечно, обрадовалась, но предупредила, что уборка моей комнаты откладывается на вечер.

По утрам я не завтракаю, поэтому просто выпил чай с печеньем и пряником. Умылся и в одиннадцать тридцать вышел на улицу. Про одежду я даже не думал и надел практически то же, что вчера.

Место нашей встречи в пяти минутах ходьбы от моего дома, но опаздывать в такой момент не хочется совершенно. У меня в запасе около двадцати минут, и сейчас в голову пришла мысль купить ей что-нибудь. Цветы — банально, да и неудобно будет с ними идти. Может, шоколадное яйцо? Их точно все любят.

В ближайшем магазине я купил упаковку из трех штук. По карману ударило неслабо, но, надеюсь, ей понравится.

Осталось десять минут. Ее все еще нет. Может, она очень пунктуальна и появится в двенадцать ноль-ноль, но сомнения гложат меня все сильнее. Может, бросить все это и пойти домой?

Без пяти минут двенадцать. Какой же я дурак, ну зачем я купил эти яйца? Ей же не пять лет, наверняка она просто рассмеется и уйдет. Если, конечно, вообще придет.

Ровно двенадцать. Я смотрю в ту сторону, куда она ушла вчера, но там никого нет. Хорошо, жду еще десять минут и больше не позорюсь.

— Я не успела позавтракать, — раздался голос из-за спины, — здесь можно поесть где-нибудь?

Она пришла.

— Привет... Я думал, ты не придешь, — сказал я, широко улыбаясь.

— Почему? — Она слегка нахмурилась. — Мы же договорились, что встретимся в полдень, а сейчас ровно полдень. — В голосе звучала легкая обида.

— Я... — слова куда-то улетучивались, — извини, просто все странно как-то, я даже не надеялся.

— Ладно. Так что насчет еды? — перевела она тему.

— Тут рядом вкусная шаурма продается, можем купить, а по пути в лес съесть, — предложил я, показывая направление.

— Шаурма? — переспросила она, словно не понимая, о чем я.

— Ну, курица в лаваше, с соусом, овощами, — объяснил я, сильно удивившись, что остались еще люди, не знающие, что это такое.

— А, ну да, ты же любишь курицу, — усмехнулась она. — Просто я слышала название «донер», а слово «шаурма» вылетело из головы.

— Почему я любитель курицы?

— Я говорила, что видела тебя несколько раз, и каждый раз ты ел в KFC.

— Ну, там лучшая курочка, — улыбнулся я.

— Я и не спорю. — И она пошла туда, куда я махнул рукой.

Боже, она пришла. Вот это и называется — чудо. Теперь самый сложный выбор: заплатить за нее или пускай каждый платит сам за себя?

— Овсянка, я куплю, у меня там скидка, — придумал я выход из ситуации.

— Хорошо. Я не против. — Она улыбнулась.

Мы идем в сторону леса, поедая шаурму. Я не знаю, как начать разговор, и поэтому тщательно жую, стараясь держать рот набитым, а она спокойно, расслаблено ест, откусывая небольшие кусочки.

Я долго думал, о чем с ней поговорить, но так и не нашел ни одной темы, поэтому надежда остается только на ее разговорчивость.

Мы вошли в лес. Шаурма закончилась, и пора было прервать молчание, но кто заговорит первым?

— Довольно вкусно, но хочется чем-нибудь запить. Надеюсь, у тебя есть вода? — заговорила она.

Зажмурившись, я уже стал готовиться к прощанию навсегда, но она продолжила:

— В этом лесу есть ручьи? Или какие-нибудь источники воды? Родники?

— Да, родник есть! — обрадовался я.

— И ты знаешь, как к нему идти?

В этом лесу я был в последний раз лет в десять, и то с мамой.

— Конечно, до него минут пятнадцать, — сказал я, сам не зная почему.

— Люблю свежий воздух, — отозвалась она, запрокинув голову.

— Да, все любят.

— В лесу моя душа чувствует умиротворение. Глаз радуют эти коричнево-зеленые цвета, каждое дуновение ветра расслабляет. В лесу словно происходит единение с природой, с истоками жизни. Теплой летней ночью, а еще лучше с запахом озона — ну, знаешь, который витает перед дождем, — хочется бросить все и раствориться, чтобы каждая твоя клеточка напиталась этой красотой природы, — она пошевелила губами. — Но сейчас совсем не лето.

— Да, — собрался я поддержать разговор.

— Кстати, вчера я даже не подумала, что после дождя в лесу будет слякоть, но нам повезло, тут довольно сухо, — сказала она.

— Мне тоже нравится природа. — Жаль, я не мог говорить так же красноречиво. — Я даже хотел бы уехать из города и жить где-нибудь в деревне, в своем доме, рядом с лесом.

— Мне кажется, все, кто живут в городе, хотят этого. А вот деревенские, наоборот, хотят переехать в город, — заметила она.

— Я тоже так думал, но сейчас я знаю людей, которые хотят жить там, где толпы народу и повсюду небоскребы, хотя они и сейчас живут в городе. Конечно, я незнаком с ними лично, но в интернете случайно наткнулся на страницы таких любителей мегаполисов.

— Ого, я даже не думала об этом! Надо будет спросить у друзей, что они думают, — ответила она.

Мне стало немного обидно, что у нее есть друзья, а значит, и наверняка интересная личная жизнь. Конечно, я рад, что у нее с этим все хорошо, но мне было бы спокойнее, если бы девушка была такая же «общительная», как и я.

— Ты вот назвала меня Бамбуком, — начал я после недолгого молчания, — сказав, что я высокий, а ты ненамного меня ниже.

— Но ты выше, — возразила она, посмотрев на меня поверх глаз.

— Ну, это да, — согласился я.

— У тебя есть домашние животные? — вдруг спросила она.

— Нет.

— Родители не разрешают?

— Ну, и это тоже.

— А ты сам хотел бы иметь кошку или собаку, а может, еще кого?

— Я очень люблю животных, но не люблю, вернее даже боюсь привязываться. Я довольно ранимый человек, мне и со старыми и ненужными вещами трудно расставаться, а если представить, что любимое животное умрет или потеряется, думаю, мое сердце этого не выдержит, — проговорил я, сильно удивившись, что ни разу не запнулся и все слова поставил в нужном порядке.

— Умная мысль. Ты прям так сильно ко всему привязываешься? — решила уточнить она.

— Если честно, я уже начинаю привязываться к тебе, — сказал я, наверно, самые неуместные слова за сегодня.

— Постараюсь не умереть, — отшутилась она, а я в ответ кивнул.

В молчании прошло, наверно, минут пятнадцать, когда перед нами возник знакомый мне спуск, который воскрес в моей памяти в начале пути. Родник был совсем рядом, и оставалось надеяться, что с ним ничего не случилось за все эти годы.

— Пришли, — выдохнул я и показал на людей слева от источника.

— Я думала, мы одни в этом лесу, — нахмурилась Овсянка.

— Возле родника всегда кто-то есть, — сказал я, как будто в этом разбирался.

Попив воды, мы двинулись дальше. У меня даже мысли не было, что можно заблудиться, но чем глубже в лес мы заходили, тем становилось тревожнее.

— Я не уверен, что мы сможем вернуться обратно, — сказал я, замедлив шаг.

— У меня хорошая память, я запомню дорогу, — ответила Овсянка.

— Надеюсь. Да, у нас же есть телефоны!

— Тоже вариант, — согласилась она.

— Кстати, у тебя серьезно нет страниц в социальных сетях? — вспомнил я.

— Они отупляют. Я раньше постоянно в них сидела — и утром, и вечером, и на уроках, везде. Пролистывала ленту снова и снова, постоянно с кем-нибудь переписывалась... А в один прекрасный день поняла, что просто погрязла во всем этом, а любая зависимость — это плохо, — сказала она.

— И ты просто удалилась? — удивился я.

— Это было непросто. Очень непросто.

— И чем же ты их заменила?

— Книгами, сериалами. Начала готовить. Вообще саморазвитием занялась.

Я начал думать о ее словах. Она говорит дело. Но пока я не в состоянии решиться на подобный шаг. И тут я вспомнил про шоколадные яйца. Надеюсь, они не расплавились.

— Овсянка, я тебе тут купил... — Я протянул ей упаковку.

— О, здорово, — улыбнулась она, — сто лет их не ела.

Она взяла коробку из моих рук и, заметив поблизости большой пенек, побежала к нему, стряхнула мусор и села.

— У меня всегда с собой влажные салфетки и гель для дезинфекции рук, — сказала она, немного смущаясь.

— Я тоже иногда ношу с собой салфетки.

— Чего стоишь? — она подняла на меня улыбающиеся глаза. — Садись, место есть.

Я сел. Она стала разворачивать яйца, отдавая мне половину от каждого. В первом и втором оказались фигурки животных, а в третьем — прозрачный кулон из двух частей с непонятным рисунком, что-то вроде инь-ян.

— Держи, — она протянула мне одну половинку кулона, а вторую надела на шею, — пускай это будет символ, который нас свяжет.

— Хорошо. — И я тоже надел этот символ.

— Удивительно, что в детских сюрпризах лежат веревочки, в которые даже твоя голова пролезает, — засмеялась она.

— Нормальная у меня голова. — Я немного обиделся.

— Ну, чем больше голова, тем больше мозг, а чем больше мозг, тем умнее человек, — заметила она с улыбкой.

— Ты тоже умная. Наверно, — попытался я сказать что-то хорошее.

— Ладно, — она снова улыбнулась, — после шоколада пить захотелось, пойдем опять к роднику.

Несколько часов пролетели, но мне не хотелось, чтобы они заканчивались. Это был самый странный и самый лучший день за долгое время. Хотел бы я сказать — в моей жизни, но с такими вещами лучше не торопиться. Овсянка много смеется — надеюсь, это признак того, что я ей нравлюсь, и это просто замечательно.

— Смотри, — дернула она меня за рукав и показала на шприцы, валявшиеся возле дерева.

— Никогда не сталкивалась с наркотиками? — удивился я, учитывая, что шприцы можно увидеть и на территории начальной школы.

— Ты же не... — она с грозной печалью посмотрела на меня, и, кажется, у нее даже дернулся нос.

— Нет, конечно, нет! — немного повысил я голос.

— Наркотики разрушают жизни, — сказала она.

— У тебя кто-то из знакомых... — начал я так, чтобы ее не задеть.

— Нет. Я не общаюсь с наркоманами.

— Ты просто так резко отреагировала, будто для тебя это что-то личное, — уточнил я.

— Просто страшно за людей, это ведь может коснуться каждого.

— Ты можешь не согласиться, — решил я высказать свое мнение, — но мне кажется, что наркотики — это естественный отбор.

— В смысле? — не поняла она.

— Ну, смотри. Наркотики употребляют люди низшего сорта. Они в принципе не заслужили жить, а наркотики их убивают, очищая наш мир.

— Но я слышала, бывали случаи, когда людям на улицах кололи наркотики и у них начиналась зависимость.

— Это сказки, мне кажется, — возразил я.

— Бывает, их пробуют за компанию или чтобы показать свою крутизну. А кто-то может поддаться на красивые рассказы о наслаждении, — Овсянка стояла на своем.

— Все равно, те, кто на это поддается, отсеиваются. Это закон жизни, — не уступал я.

— Хорошо, — выдохнула она и спокойно добавила: — Пусть будет так.

Мы уже давно шли по той части леса, где я никогда не был. Я даже подумать не мог, что этот лес такой большой и красивый. Кажется, я начинал все больше любить деревья и свежий воздух.

— Хорошо, что людей почти нет, — сказал я.

— Согласна, иногда хочется побыть с кем-то наедине или совсем одной.

— Слушай, вот мы столько уже разговариваем, а я о тебе так ничего и не знаю.

— А зачем тебе что-то обо мне знать?

— Я просто надеюсь, что это не последняя наша встреча... — осторожно сказал я.

— Амулет двойной, и его половинки должны быть вместе как можно чаще, а отдавать свою часть тебе я не собираюсь, — серьезно, стараясь казаться равнодушной на последней фразе, ответила она.

— Это лучшее, что я слышал в своей жизни.

Похоже, я продолжал улыбаться еще несколько минут.

Все как будто потеряло значение. Я думал только о ее словах. Не помню, чтобы когда-нибудь я так радовался. Интересно, а если бы нам не попалась эта игрушка? Я забыл, о чем ее спрашивал, шел молча и улыбался.

— Но ты, — продолжила она как ни в чем не бывало, — отдай мне свою половину.

— В смысле? — испугался я.

— Да шучу я, — она перестала быть серьезной. — Задавай свои вопросы.

— Какие? — не понял я, еще не придя в себя после такой шутки.

— Про меня, про мою жизнь.

— А, хорошо. У тебя большая семья?

— Брат, сестра, мама, папа. Живем вместе.

— Ты часто бывала за границей?

— Ты серьезно? — удивилась она.

— Да. Лучше не придумал, — смутился я.

— Ни разу, но хотела бы, конечно.

— Ясно. Слушай, давай я буду задавать вопросы по мере их возникновения в моей голове. — Я очертил указательным пальцем пару кругов у виска.

— Хорошо, — улыбнулась она.

— Ты постоянно улыбаешься, — непонятно зачем заметил я.

— Не постоянно. Тебе не нравится? — растерялась она.

— Нет, что ты. Твоя улыбка прекрасна, просто я сам улыбаюсь редко, да и чужие улыбки вижу не чаще.

— Бамбук, ты меня за дурочку не держи — ты всю нашу прогулку ходишь с улыбкой на лице.

Я не понял, что она имеет в виду, но потом определенно ощутил усталость лицевых мышц. Я поспешил ощупать уголки рта, а Овсянка расхохоталась.

Я пытался не обращать на это внимания, только ноги уже очень сильно устали. Не могу же я попросить ее разойтись по домам из-за того, что у меня кончились силы. Уж такие вещи обо мне пусть она узнает намного позже.

Овсянка шла спокойно, легко перепрыгивая пни и камни. И откуда у нее столько энергии?

Где-то рядом послышался звук воды. Овсянка направилась в ту сторону, а я бодро поплелся за ней. За редкими деревьями виднелась речка. А я о ней и не знал. На другой берег был перекинут выдавший виды деревянный мост, на который мы и забрались.

Овсянка смотрела в воду, а я разглядывал окрестности, радуясь и удивляясь тому, что, кроме нас, вокруг ни души. Я облокотился на перила, но сразу подумал, что это плохая идея, и отступил назад.

Овсянка взяла меня за руку. Я и не представлял, что можно сделать этот день еще лучше. Наши пальцы переплелись, а я только старался не закричать от восторга. Но закричала она. Ее крик испугал меня, я не мог понять, что происходит и почему она вцепилась в мою кофту, пока не обратил внимание, куда направлен ее взгляд.

Вниз по течению плыло то, чего не должно было быть ни в этой реке, ни где-то еще: к мосту подплывали человеческие руки. И их было больше, чем две. Я замер, Овсянка кричала за нас двоих. Опомившись, я схватил ее за руку, и мы побежали в глубь леса.

— Подожди, подожди! — крикнула она, пытаясь остановиться.

— Что? — притормозил я.

— Вдруг это манекены? — задала она вполне логичный вопрос.

— Уж очень хорошо они сделаны, если это так!

— В любом случае надо вернуться и посмотреть еще раз, — предложила она.

— Вот мы туда вернемся, — начал я как можно спокойнее, — а следом на лодке будет плыть маньяк, который и с нами сделает то же самое.

— Мне тоже страшно, но если мы позвоним в полицию, а это окажется муляж, получится паршиво.

— Погоди, а может, не стоит никому об этом говорить? В фильмах это ничем хорошим не заканчивается, — продолжал я паниковать.

— Я иду, а ты как хочешь! — Она оттолкнула меня и направилась к реке.

Овсянка пробиралась назад, к берегу, осторожными, но твердыми шагами, на полусогнутых ногах, словно боялась быть замеченной. Поскольку она шла впереди, мне было не так страшно, и поэтому я, повторяя ее походку, двинулся следом.

Руки уже проплыли дальше, за мост, и Овсянка пошла за ними. Я, оглядываясь по сторонам, чувствовал, что совсем не жажду снова увидеть отрубленные человеческие конечности, но вместе с тем больше всего на свете хочу взглянуть на них еще раз хоть бы одним глазком.

Мы быстро их настигли, и сомнения улетучились. Это были не манекены.

— Мы же не будем их доставать? — с опаской спросил я.

— Звони в полицию, — ответила она.

— Но как им описать, где мы находимся? — я развел руками и повернулся в одну а потом в другую сторону, показывая, что вокруг нет никаких опознавательных знаков.

— Ладно, сама наберу, — недовольно ответила Овсянка и достала из кармана маленький кнопочный телефон, стараясь спрятать его от меня.

Кажется, тонкий лед, по которому я ходил весь этот день, хрустнул. Точно надо меняться, но это же не происходит по щелчку пальцев. На то, чтобы изменился характер, могут уйти годы. Но ради нее я, наверно, смогу это сделать и стать лучше.

Овсянка пыталась объяснить по телефону наше местоположение и, судя по всему, отказывалась задерживать эти руки. Пришлось делать это самому.

Мы были в лесу, и повсюду валялись ветки, которыми можно было зацепить и вытащить из воды что угодно. Подходящий длинный сук с мелкими веточками на конце, еще с листьями, лежал прямо на берегу. Я подбежал к нему и попытался приподнять. Именно попытался. Ветки только кажутся легкими. Говорила мне мама, надо заниматься спортом. Щеки начали гореть — наверно, я покраснел. И заметил, как Овсянка молча на меня смотрит. Трещина во льду увеличилась. Овсянка сказала что-то в телефон, бросилась ко мне, схватила сук за один конец и взглядом дала понять, что помощь ей бы не помешала. Я взялся за ветку ближе к середине, и вдвоем мы смогли оторвать ее от земли.

Почти все руки уже уплыли, но две штуки как раз приближались к нам, и их прибивало к берегу.

Вытащить их получилось с первой попытки. Миссия выполнена. Адреналин зашкаливает, и я стараюсь сдержаться, чтобы не подпрыгнуть. Овсянка толкнула меня плечом.

— Сказали — ждать на месте, — сообщила она.

— А через сколько подъедут? — поинтересовался я.

— Понятия не имею. — Овсянка развернулась и пошла к поваленному дереву шагах в десяти от нас, которое я даже не заметил.

Она провела рукой по стволу тут и там и, вероятно, убедившись, что от грязи не избавиться, легла на него, согнув ноги в коленях, а руки положив под голову. Я постоял рядом и сел у нее в ногах.

Прикоснуться к ней было страшно, а заговорить я не решался. Овсянка глубоко дышала, словно наслаждаясь каждый раз, когда вдыхала чистый лесной воздух.

Я зажал ладони между колен и переводил взгляд то на землю перед собой, то туда, где мы оставили руки. Отсюда их не было видно, но я знал, что они там, и это не давало мне покоя.

— Ты мне мешаешь расслабиться, — легонько пнула меня Овсянка.

— Извини. — Я встал и отошел в сторону.

— Нет, ты не понял, — она приподнялась, — садись обратно. — Она опять легла, видя, что я послушался. — Я имею в виду — подумай о чем-нибудь другом. И почему ты боишься до меня дотронуться? — спросила она, как командир.

— Да я не боюсь, — промямлил я. — Просто... Ну... Мешать не хочу...

— Расслабься. — Она положила свои ноги на мои. — Каждая минута уникальна. Вот этот день, все, что было сегодня, и этот самый момент — это никогда больше не повторится. Те эмоции, которые ты испытываешь, те мысли, чувства, которые возникли у тебя за последние минут двадцать. Не заикливайся ни на чем. Даже если за нашими спинами скоро появится тот самый маньяк — разве сейчас не лучший момент? — Она зажмурилась. — Я хочу сказать, трудно придумать лучшие последние минуты жизни. — Она посмотрела на меня. — Ты понимаешь, о чем я? Или все еще не можешь сообразить, как я так запросто положила на тебя ноги? — Она улыбнулась.

Я растерялся, ведь и я вправду думал главным образом о ее ногах. Я попытался сесть так, чтобы ей было удобно, но она придавила меня ногами, чтобы я этого не делал.

— Бамбук, посмотри на небо, постарайся не двигаться, не издавать звуков — просто попробуй услышать, как плещется вода.

— Да-да, хорошо... — Я заерзал.

— Тсс, — остановила она меня и носком ноги указала на небо.

Оно было абсолютно чистое, ни единого облачка, даже ветер не дул. У природы начался послеобеденный сон. Я даже примерно не знал, который сейчас час, и начал беспокоиться: я всегда стараюсь быть в курсе событий и слежу за временем, но сегодня в нем словно потерялся. Овсянка, будто чувствуя, как я напрягся, пнула меня ногой в живот. А ведь она права: если бы не отрубленные конечности, лежавшие в нескольких шагах от нас, момент был бы прекрасен. «Растворись в нем», — сказала Овсянка. Или ее голос прозвучал в моей голове? Неважно, я смотрел на небо и прислушивался к воде.

Небо, журчание реки... Я закрыл глаза.

— Эй, — слышался низкий голос за спиной. Меня он испугал, а Овсянка, судя по всему, даже не встревожилась. — Это вы нам звонили?

— Да, — Овсянка повернула голову.

Она поднялась, я встал следом. Это были двое полицейских. Пока я приходил в себя, будто после сна, Овсянка повела их к конечностям. Один полицейский был поплотнее и в возрасте, другой — худой и моложе, он ко мне и подошел.

— Добрый день, — сказал он вежливо. Такие люди всегда вызывают у меня доверие. — Я задам вам несколько вопросов.

— Хорошо, — ответил я.

Он представился, вспомнив, что не сделал этого с самого начала, и попросил меня назвать мое имя. Овсянка тоже ответила на вопросы, и тут я понял, что мы упустили возможность познакомиться как положено. Я рассказал, что произошло, и продиктовал свои контактные данные. Полицейский попросил меня покинуть место преступления, и я пошел прочь. Меня догнала Овсянка.

— Мутные они, ну да ладно, — сказала она.

— Слушай, я тут подумал, почему бы нам не позвонить в СМИ?

— Тогда нас по телевизору покажут, — кажется, согласилась она.

— Да, вместе.

А хочет ли она этого?

— Пускай. У тебя есть интернет, чтобы узнать телефон местного телевидения?

— Да, сейчас найду.

Телевизионщики были расторопнее полицейских, но снимали нас по одному. Все произошло так быстро, что я даже не понял, каким образом мы снова остались вдвоем и пошли домой.

— Удивительный денек, — сказал я, пару раз подпрыгнув.

— Мой брат был бы в восторге. — Она помолчала. — Мне кажется, ты имеешь в виду не только нашу находку. — Она тоже перепрыгнула через сучья под ногами.

— Не только.

— Мне кажется, у тебя остались вопросы. Так задай их.

Мы оба понимали, о каком вопросе идет речь. Мне действительно хотелось получить на него ответ, и этот ответ должен был мне понравиться. Осталось только задать вопрос.

— Почему я?

— Как бы это глупо и странно ни звучало, но я сама не могу на это ответить. У тебя много комплексов, и поэтому ты недооцениваешь себя, но, поверь, ты красивый и интересный парень.

— Вот теперь это точно лучший день в моей жизни.

Шкаф

Первое утро летних каникул. Мама уже на работе, а я особенно не стремлюсь просыпаться с первыми лучами солнца.

Будит меня слабый стук по стеклу. Что удивительно, ведь я живу не на первом этаже. Открыв глаза, радуюсь, что за окном никого нет, и быстро соображаю, что это за звук. Овсянка кидает мелкие камушки, пытаюсь меня разбудить. Русые волосы до плеч, клетчатая синяя футболка и кожаные штаны. Сверху она кажется еще прекраснее, хотя куда уж больше. Увидев меня, она бежит в подъезд и через минуту стучит в дверь. Поскольку сплю я в трусах и футболке, то судорожно ищу шорты по всей комнате.

Как только я открываю, она несется ко мне в комнату и прыгает на диван.

— Первый день лета. Это же так здорово, а ты собирался спать до обеда? — спрашивает она, растянувшись на моей постели.

— Ну а куда спешить? Впереди еще девяносто дней, — отвечаю я, садясь рядом.

— Всего девяносто. Это ничто. — Она бросает в меня подушку. — Чем займемся сегодня?

— Может, в PlayStation поиграем? — предлагаю я.

— Шутишь? Может, погуляем в лесу?

— Да ну. Мы в лес каждую субботу ходим, пора уже и перерыв сделать.

Лес на самом деле начал надоедать, и я давно хотел сказать ей об этом.

— В игры тоже часто играем.

Она отвернулась, скрестив руки на груди.

— Тогда могу предложить мегаразвлечение. Давно хотел поучаствовать в чем-то подобном, но одному это делать не очень интересно, — попытался я заинтриговать Овсянку.

— Звучит любопытно. — Она развернулась ко мне. — Продолжай!

— Давай закажем пиццы в разных пиццериях и узнаем, где готовят самую вкусную! — радостно выпалил я.

— Звучит лучше, чем PlayStation. Хорошо, давай так начнем наше первое лето, — с грустью сказала она.

— Посмотрим сериал, а завтра давай погуляем, — решил я на такой компромисс.

— Ты прав насчет леса, — скривила она губы, глядя в пол. — С того раза ничего стоящего не происходило, а больше здесь гулять негде. И делать, по сути, нечего, — она смотрела мне прямо в глаза. — Сериалы — тоже хорошо.

Я не рассчитал свой бюджет, поэтому на пиццы мы скинулись пополам и хватило на три штуки. На мой адрес есть доставка только из трех заведений, поэтому выбирать не пришлось.

Удивительно, но за столько времени мы так и не узнали имена друг друга. Хотя она и часто бывает у меня дома, с родителями мы не познакомились. К себе домой она меня тоже не приглашала, а я не люблю навязываться. Время от времени я задумываюсь о наших отношениях, ведь они странные. Я уверен, что люблю ее, и те редкие дни, когда мы не видимся, места себе не нахожу.

Ее чувства остаются для меня загадкой. Может, она считает меня просто одним из друзей, которых у нее и так много, а может, испытывает то же, что и я. В любом случае мне хорошо, когда она рядом, и я не хочу ничего менять. Пусть даже у алтаря мне придется назвать ее Овсянкой — я буду рад. Но если окажусь только гостем на этой церемонии бракосочетания, боюсь, мое сердце не перенесет такого поворота.

Ей тоже, по-моему, хорошо со мной. Жаль, что нельзя читать чужие мысли, ведь Овсянка — девушка-загадка, которую пока не получается разгадать. А может, и не надо.

Иногда мне кажется, что все это происходит не со мной, как будто я читаю книгу, написанную от первого лица. По ночам мне снятся кошмары: я иду на то место, где мы должны встретиться, а ее там нет. Я стою несколько часов, а она не приходит. Тогда я вспоминаю, что у меня есть номер ее телефона, но оказывается, что нет. И вот я пытаюсь вспомнить, как ее зовут, но тщетно: лицо, волосы, амулет стираются из памяти. После таких снов я просыпаюсь в холодном поту и начинаю вспоминать время, проведенное с ней, словно

это было давно, хотя еще несколько часов назад мы шли по темным улицам города. Я скучаю по ней, даже когда она рядом, мне ее мало...

Привезли первую пиццу, я расплатился и, радостный, понес ее в комнату. Овсянка читала вырезку из газеты, прикрепленную к стене. И, как обычно, начала вслух:

*ЕЖЕДНЕВНЫЙ ГОРОДОК
ПРОИСШЕСТВИЯ
РУКИ В ВОДЕ*

Группа молодых людей во время прогулки в лесу, дойдя до реки, обнаружила в воде отрубленные человеческие конечности. По нашей информации, местное отделение морга недобросовестно утилизировало человеческие останки, предназначенные для снятия отпечатков пальцев у неопознанных покойников. Мэр города пообещал наказать виновных в этом вопиющем случае.

— М-да. Не знаю, зачем повесил на стену. Все равно жутковато, — сказал я, положив пиццу на диван.

— Группа молодых людей приступает к поеданию пиццы! — воскликнула она.

Обычно я без проблем съедаю целую пиццу тридцать сантиметров в диаметре, но, поскольку впереди были еще две, я притормозил после двух кусков. Овсянка сделала то же самое.

В дверь позвонили — приехала следующая. Пока я встречал курьера, Овсянка направилась в туалет. Получив на руки новую партию калорий и проходя мимо туалета, я услышал странные звуки. Это было похоже на глухие удары, которые сменялись шепуршанием и, кажется, прыжками. Я не знаю, что девочки делают в туалете, но вроде они часто ходят туда парами — вдруг в одиночку не всегда справляются? Когда за дверью что-то упало, я хотел постучать и уточнить, все ли в порядке, но решил не беспокоить ее раньше времени, ведь всякое бывает.

В комнате и устроился на диване и услышал, как дверь в туалет открылась. Овсянка вбежала ко мне и прыгнула на диван. Все бы ничего, но одна деталь в ее внешнем виде не могла не привлечь мое внимание: она была без штанов. Да, именно, она улеглась рядом со мной прямо в таком виде. На ней были розовые трусы, на которые я упорно старался не смотреть, но не было ее кожаных штанов, поэтому отвести взгляд от этих прекрасных гладких ног я был не в силах. Я сообразил, что она старается вести себя как можно естественнее, и устался в телевизор.

День удался: хорошие сериалы, вкусная пицца. Я чувствовал себя страшно неловко, лежа рядом с ней, но по Овсянке нельзя было сказать, будто что-то не так. А может, она только делала вид, что все нормально, на деле думая только о своих голых ногах. Да, способность читать мысли сейчас бы не помешала.

Я тоже старался показать, что все отлично, хотя голова была занята мыслями об этих стройных ногах, которые и в штанах-то смотрелись великолепно, а без них выглядели просто как произведение искусства. Думая о них и время от времени на них поглядывая, я понял, что в них нет изъяна — ни царапинки, ни родинки, ни прыщика, а ее попа — извините за подробности, но ее трудно было не заметить — идеальной формы, и в джинсах, и в трусах.

Я заставлял себя думать о другом, но мысли возвращались к словам Овсянки о том, что на улице уже нечем заняться. Надо придумать какое-то развлечение, иначе наша идиллия долго не продлится. За эти месяцы я понял, что она не любит скучать и грустить, и мне пришлось подстроиться под ее образ жизни. Сейчас я за месяц провожу на улице больше времени, чем раньше за год. Не могу сказать, что мне нравятся эти перемены, но ради нее я готов меняться.

— Я придумала! — радостно объявила она, поставив на паузу сериал: главные герои плавали в бассейне.

— Что придумала? — не понял я, осознав, что понятия не имею, о чем идет речь в сериале, на который я уже давно не обращаю внимания.

— Чем нам заняться вне дома. — Она показала глазами на монитор.

— Хочешь записаться в бассейн? Он вроде бы далеко отсюда, — удивился я.

— Не записаться. — Она посмотрела на меня недоумевающе. — Это, конечно, не моя идея, но давай тайно залезем в чей-нибудь бассейн.

— Идея, конечно, хорошая, но не думаю, что в городских квартирах есть что-то, кроме ванн. Максимум джакузи, — улыбнулся я.

— Ладно, — она зажмурилась, — поясню.

Овсянка поведала мне, что за нашим лесом есть дачный поселок, где людей, скорее всего, нет, так как сейчас начало рабочей недели, но наверняка есть дом с открытым бассейном, где она давно мечтала поплавать на закате: «Это же так романтично».

Хоть я и стараюсь ей соответствовать, но к такому еще не готов. Я уважаю чужую собственность, соблюдаю законы, да и не люблю риск. На это я точно не подпишусь. Ни за что на свете. Мне как минимум страшно, а получить пинков от владельца участка вообще нет никакого желания.

— Хорошо, — ответил я.

— Тогда я в туалет и выдвигаемся? — уточнила она.

— Ты же говорила про закат, а сейчас солнце еще высоко, — заметил я.

— Ну, еще же надо найти пустой дом с бассейном, — сказала она и пошла в туалет.

Ну, Бамбук, и что это было? «Хорошо» и «нет» — это разные слова, и значение у них разное. Наверно, я просто не могу ей отказать, тем более она так выглядела. Теплилась только одна надежда — что мы не найдем такой дом.

Вышла Овсянка уже в штанах и с настроением на продуктивный день, чего нельзя было сказать обо мне.

— Ты прям так и пойдешь? — спросила она, глядя на мою домашнюю одежду и насупив брови.

Я за своим внешним видом особо не слежу, но на улицу всегда выхожу в чем-то подходящем. Даже выкидывая мусор, надеваю джинсы и чистую футболку. Овсянка это знает, поэтому у нее и возник такой вопрос.

Я посмотрел на себя, потом на нее, намекая, что при ней мне переодеваться не очень хочется. В ответ она закатила глаза и пошла на кухню. Я натянул джинсовые бриджи и синюю футболку поло. Немного подумал, надевать ли плавки, и решил воздержаться, сказав самому себе, что, скорее всего, у нас ничего не получится.

Подходя к крайнему дому дачного поселка, я слегка расслабился и даже как-то взбодрился, а когда Овсянка спокойно начала карабкаться на деревянный забор, адреналин уже зашкаливал. Наверно, этого мне в жизни и не хватало. В жизни, казавшейся отличной и вполне веселой. Сидя на заборе, я понимал, что после этого прыжка старый Бамбук умрет и окончательно возьмет верх Бамбук, который не боится трудностей и не знает печали, и он наконец простится раз и навсегда с еженедельными депрессиями. Я прыгнул.

И вот мы на заднем дворе огромного участка, чужой собственности. У старого меня сейчас бы крутились мысли о том, как нас будут избивать полицейские, хоть мы и не в Америке, и белые. Но новый я первым пошел вдоль дома искать бассейн.

Овсянка шепотом крикнула, что постоит на стреме, и я, кивнув, двинулся дальше, пригибаясь под окнами. Кроме помидорных кустов, на участке ничего не было. Ничего, но не никого. Увы, ни я, ни Овсянка даже не подумали о собаке.

Кажется, старый Бамбук восстал из пепла, как птица феникс, и напомнил мне о том, что я жутко боюсь собак. Я замер как вкопанный, а когда осознал, что рычит не та овчарка,

которая была прямо передо мной, а кто-то еще, причем сзади, мне показалось, что я падаю: ни ног, ни рук я уже не чувствовал. Ощущал только холодный пот на лбу и щеках. Третью собаку, я наверно, не переживу. Псы рычали, но их уже не слышал. Фраза «Растворись в этом моменте», которую я услышал от Овсянки на нашем первом свидании, заиграла новыми красками.

Зазвонил телефон. Я дернулся от неожиданности, и собака сделала шаг вперед. Посмотреть назад я боялся, но зубов, впившихся в мою задницу, пока не ощущал.

Я мысленно проклинал человека, который никак не мог понять: раз трубку не берут, значит, стоит перезвонить позже, как что-то толкнуло меня в спину. Я понял, что это конец. Вспомнился мой шестой день рождения, когда мама подарила мне набор могучих рейнджеров. Перед глазами пролетели школьные годы, перемены. Лицо Овсянки, о которой я совсем забыл.

Овчарка бросилась в атаку, но какой-то мощный поток из-за моей спины остановил ее. Через мгновение придя в себя, я понял, что Овсянка нашла шланг и отогнала собак струей воды.

Убедившись, что собаки ретировались, я побежал к забору. Ватные ноги старались помешать мне это сделать, но я смог. С внутренней стороны забор оказался неприступен: не за что зацепиться, не на что встать.

Овсянка понеслась вдоль забора, в сторону ворот, я следом. У ворот нас встретили собаки — огрызнувшись, они уступили нам дорогу.

Я с грохотом захлопнул ворота с той стороны. Ни я, ни Овсянка не нашли слов, чтобы хоть как-то прокомментировать ситуацию, но она стала смеяться — так, как еще ни разу не заливалась за все это время.

Сначала мне стало стыдно и неловко, но потом я тоже дал волю эмоциям. Руки все еще тряслись, а ноги подкашивались, поэтому я сел на землю. Овсянка последовала моему примеру. «Полезли дальше?» — сквозь смех спросила она. От этих слов мне стало еще смешнее, я слегка пнул ее ногой, она повалилась на спину.

Прямо у головы Овсянки ворота снова открылись. Из них вышли трое мужчин, на вид лет двадцати пяти — тридцати. У среднего, довольно полного, с голым торсом и в белых бриджах, кисти рук украшали татуировки. Двое других были почти в таких же бриджах, но в черных майках и постройнее. У левого в ухе блестела серьга. По их виду было ясно, что добра ждать не стоит. Мы поднялись и стали плечом к плечу.

— Вы охренели? — спросил средний с каким-то присвистом.

Мы молчали.

— Что вы забыли на этом участке? — решил высказаться тот, что слева.

— Мы возле него, — робко сказала Овсянка, на что левый сделал шаг вперед.

— Ты хочешь сказать, что мы тупые? — спросил средний.

— Не я это сказала.

Наверно, в ее голове это звучало по-другому, кто знает.

— Ты, тварь, облила водой моих собак! — средний, жестикулируя, шагнул в нашу сторону, и правый тоже.

— Они были грязные, — ответила Овсянка, а меня тем временем что-то кольнуло в сердце.

— Ты грязная. Хочешь, я тебя сейчас отмою? — спросил левый.

— Сама справлюсь, а вот тебе бы не помешало, — кажется, Овсянка почувствовала себя бессмертной, а меня кольнуло еще сильнее.

Она сделала полшага, выставив плечо перед моим.

— Сейчас от твоей крови отмоюсь, — сказал левый, зажав правый кулак в другой ладони и ринувшись вперед.

И когда я уже почти встал на колени, моля о пощаде, Овсянка плюнула в лицо левому и, толкнув меня, рванула в сторону леса.

Ее толчок придал мне нужное направление, и я, как ни странно, не отставал. Форы у нас было пара секунд, бегаю я очень плохо, и Овсянка меня здорово обгоняла, что не прибавляло уверенности в завтрашнем дне. Судя по крикам за спиной, отставать они и не думали.

И вот уже Овсянка вбежала в лес, а следом и я, стараясь огибать деревья, что сильно снизило скорость. Понял я это, когда самый быстрый ловко ткнул меня головой в дерево и я упал. Дальше последовал град ударов со всех сторон, по всем частям тела. Судя по крикам, Овсянка тоже не спаслась.

Кажется, за время избияния я несколько раз отключался, но потом снова возвращался в этот мир, полный радостей и чудес.

Остановились они после фразы «Пацаны, она, кажется, не дышит», сказанной шепелявым. Эти слова оказались страшнее ударов. Я попытался встать, но понял, что у меня не открыты глаза, а пошевелиться я и вовсе не в состоянии. Я решил начать с левого глаза. И это мне удалось. Лицо было в земле, я отряхнул его и увидел, что вокруг уже никого нет.

Подниматься и крутить головой было страшно. Я не мог представить, что ее больше нет. Надеюсь, я останусь в этом лесу вместе с ней, подумал я. Из глаз полились слезы, грудь сдавило. Я услышал движение и, разлепив глаза, увидел Овсянку. Она стояла на четвереньках и вся светилась. Жива.

Она подползла ко мне и легла на спину, а я, вытянув ноги в противоположную сторону, придвинул к ее голове свою.

— Прости, — сказала она.

— За что? — Я, конечно, догадывался, но решил уточнить.

— Не знаю, что на меня нашло. Наверно, надо было просить у них прощения. — Она начала плакать, шмыгая носом у меня под ухом.

— Это бы нам, скорее всего, не помогло, — решил я ее поддержать, — мне кажется, шансов спастись не было.

— Угу, — выдавила она сквозь слезы.

Я не стал больше ничего говорить, чтобы она успокоилась. Кости вроде целы, по крайней мере никакой дикой боли не было. Почти нигде не болело, по лицу они, кажется, даже ни разу не попали. На Овсянку я пока не смотрел, надеясь, что плачет она не от боли.

— Что будем делать? — спросила она, успокоившись.

— В смысле?

— Думаешь, тебе не надо в больницу?

— В больницу? — удивился я. — Боли почти нет, так что даже не знаю.

— Ненавижу больницы.

— Перед уходом один из них сказал, что ты не дышишь. — Я помолчал. — Ты как вообще?

— Наверно, у него совесть проснулась и попросила его отступить.

— Ты же была впереди — не смогла убежать?

— Да, они меня догнали. Не рассчитала я свою выносливость.

— А тебе в больницу надо? — все же решил убедиться я.

— Не думаю.

Овсянка поднялась на ноги, ее пошатывало. На лбу был большой синяк, одежда порвана в нескольких местах. Она покрутилась, расставив руки и показывая, что все хорошо, а потом со словами «Лучше еще полежать» опустилась на то же место.

— Значит, без больниц? — спросил я.

— Да, — твердо ответила она.

Я и не заметил, как начало темнеть. Вокруг кружили комары, незнакомые мне насекомые лазали по всему телу, которое уже сильно горело, и при любом движении синяки давали о себе знать. Над нами зажглась звезда. Небо все еще было синее, поэтому горела она неярко, но, кажется, это была первая звезда, которую я видел в городе. Запели сверчки. А мы все лежали.

— Давай уедем от сюда, — прошептала Овсянка, нарушив гармонию единения с природой.

— Я бы с радостью, — ответил я, понимая, что этого никогда не будет.

— Я серьезно. — Она помолчала. — Не хочу возвращаться в тот мир.

— Ты говорила когда-то, что тебе нравятся здешние люди, — заметил я с улыбкой, которую она не увидела.

— К черту людей. Ты мне нравишься, — кроме фразы, что я красивый, больше ничего подобного я от нее не слышал.

— Ты мне тоже нравишься, — не нашел я других слов.

— Да я знаю, — ответила она, пытаясь не придавать значения моим словам, — я про другое.

— То есть?

— Ты лучший из людей. Я сейчас не буду говорить, что я не достойна тебя. — Она подняла указательный палец. — Просто давай создадим свою Терабитию.

— Там все плохо закончилось.

Ой, дурак, надо бы запомнить простую истину: думай, потом говори. Думай — на первом месте.

— Ладно, — вздохнула она. — Пошли по домам.

Она встала, и на этот раз лучше держалась на ногах.

— Прости, я хотел сказать, что прожил бы с тобой всю жизнь только вдвоем, но мы не можем сделать это сейчас. У меня мама, которая будет вне себя, когда я вернусь домой в таком виде. Тебя ждет еще больше народу. У нас учеба, нет денег. Хорошо, мы сбежим, но не сегодня.

— Нам правда пора, — сухо ответила она.

Она шла быстрым шагом впереди меня. Небо уже почернело, и тропинку совсем не было видно. Овсянка резко остановилась и попросила у меня телефон, чтобы освещать путь. Я чувствовал себя виноватым и хотел нарушить молчание.

— Овсянка, погоди, — поймал я ее за руку.

— Чего? — Она остановилась.

— Куда бы ты хотела уехать?

— Давай уже забудем этот разговор. — Она попыталась отвернуться, но я ее удержал.

— Теперь я серьезно. Я не хочу здесь жить, и у меня, кроме мамы и тебя, никого нет.

Ну, Витя еще, но за пределами колледжа — только вы двое.

— Я хочу в тихую деревню, иметь свое хозяйство, огород. Ты и так уже должен знать мои пристрастия. — Она немного успокоилась.

— Тогда давай устроимся на работу. Нам же нужны будут деньги, верно?

— Верно, — согласилась она. — Но давай поговорим об этом завтра. Сейчас я хочу принять ванну со льдом и уснуть.

— Но сперва выслушать от мамы кучу слов.

— Нет, все будет иначе, — сказала Овсянка.

— В каком смысле?

Овсянка протянула мне мой телефон, где был открыт диалог с моей мамой на последнем сообщении, которое было отправлено пять минут назад : «Мам, мы с Витей в кино ходили, но фильм задержали и домой ехать уже поздно, извини, что так получилось, если что — звони». Это испугало меня сильнее, чем три бегущих за нами здоровяка.

— Ты что сделала? — трясущимися руками забирая телефон, спросил я.

— Спасла тебя от разговора с мамой.

— Но сейчас она думает, что я под наркотиками, валяюсь в болоте с бомжами или попал в полицию. Мне срочно надо домой.

— У меня сегодня никого нет дома, завтра тоже. Пошли со мной, если хочешь жить. — Она протянула мне руку.

За этот день я, наверно, постарел года на четыре. Когда мы подходили к дому Овсянки, я уже не понимал, от чего именно кружилась голова. Мама перезвонила, и я подтвердил свое сообщение, на что она сказала, что завтра ее отправляют по работе в американский город Родж на неделю. Удивительное совпадение, которое давало возможность нам с Овсянкой избежать встречи с родителями в избитом виде.

Надеюсь, мы на самом деле сможем сбежать, но я не могу оставить маму и мне непонятно, как Овсянка может бросить родителей, брата, сестру, да и просто друзей, знакомых. Конечно, это все подростковые фантазии и ничем хорошим они закончиться не могут.

Интересно, что она имела в виду, говоря, что я лучший человек. А звучало приятно.

Я впервые подошел к ее дому. Овсянка выглядела спокойной, хотя я всегда думал, что она не хочет показывать мне свою квартиру. Может, я узнаю ее получше и даже выясню ее имя, хотя это, как ни странно, уже давно перестало меня так интересовать, как в начале наших отношений.

Квартира была маленькая, везде разбросаны вещи, так что трудно понять, чисто в ней или нет. Белые обои, потолок. Точнее, они были белыми лет двадцать назад, а сейчас уже стали ярко-серого, местами желтоватого цвета. Коричневый ламинат тоже довольно давно потерял свой первозданный вид.

Прихожая перерастала в коридор, в котором я насчитал четыре двери, по две с каждой стороны.

Овсянка толкнула меня во вторую дверь справа, со словами «Две минуты» закрыла ее за мной и куда-то ушла.

Я поднял глаза и разглядел комнату. Две кровати, одна из которых —при входе слева, другая — прямо у окна. Комната в идеальном состоянии, на столе аккуратная стопка тетрадей и учебников, на комоде ничего не навалено, в отличие от моего логова. Возле кровати у окна висят плакаты. Один — по второму «Терминатору», два — с разными машинами из известной видеоигры.

Я прислонился плечом к стене — оказалось, на него тоже пришлось несколько ударов, так что боль заставила меня отвлечься от разглядывания комнаты.

Дверь открылась, Овсянка взяла меня за руку и повела в коридор, а оттуда в ванную, совмещенную с туалетом. Ванна была наполнена водой, на тумбочке стояли разные пузырьки, лежала вата.

— Если еще что понадобится, позови, а то голова уже не соображает.

— А ты? — спросил я.

— Вдвоем мы в ванну не поместимся, — ответила она и шмыгнула за дверь, шепотом добавив: — Пока.

По правде говоря, у меня не было сил думать над ее словами и, заикаясь, пытаться объяснить, что я имел в виду: «А ты не ты почему первая?» Поэтому я просто стал стягивать с себя одежду. Это оказалась непростой задачей, учитывая, что каждое движение причиняло боль и суставы стали гораздо менее подвижными, но в конце концов я справился.

Вода в ванне оказалась ледяная, на что я не очень-то рассчитывал, но, рискнув и опустившись в нее, я испытал огромное облегчение.

Дверь приоткрылась, я сжался, но в проеме появилась рука и кинула на пол одежду.

Я лег на менее пострадавший левый бок, стараясь погрузиться в воду по шею. Тело постепенно немело, и от этого хотелось спать. Вообще-то после трудного дня всегда клонит в сон, независимо от температуры окружающей среды.

Раздался стук в дверь и голос Овсянки: «Ты живой там?» В ответ я постарался громко промычать, и, судя по тому, что послышались удаляющиеся шаги, мое мычание было услышано. Ее вопрос дал понять, что залеживаться не надо, и она была права: если к ушибам добавится еще и простуда, какое-нибудь воспаление легких, лучше мне от этого не станет.

Я вылез из ванны и сел на край в поисках полотенца. Только сейчас меня настигло ощущение холода, заставившее скрестить руки на груди и начать растирать плечи, отчего я снова вспомнил про боль. Замкнутый круг.

Среди одежды, брошенной Овсянкой на пол, я увидел полотенце, сделал шаг и заметил себя в зеркале. Зрелище, конечно, не для слабонервных. Я всегда с неохотой смотрел на свое отражение без одежды — из-за огромного количества родинок и худосочного тела. Сейчас же родинки было трудно разглядеть из-за синяков и мелких порезов на спине.

Овсянка снова постучала, оторвав меня от внимательного изучения каждого пятнышка и тыканья в него пальцем. «Пару минут» — ответил я и стал вытираться. Мне пришло в голову слить воду из ванны и набрать свежую для Овсянки, но, наверно, надо было сделать это раньше. Когда я натянул одежду — наверно, ее брата, — воды в ванне было наполовину, но, решив не дожидаться, когда меня снова поторопят, я открыл дверь. И почувствовал запах пота из-под мышки. Наверно, надо было помыться.

Овсянка налила мне чаю и пошла принимать водные процедуры. Я всегда стесняюсь находиться в чужой квартире и поэтому не вставал из-за кухонного стола, а только мельком разглядывал помещение.

Кухня была маленькая, явно не на семью из пяти человек. Посредине стоял стол с тремя стульями, стандартные деревянные полки на стенах, газовая плита, раковина. Самая неприметная кухня, поэтому чай я допивал, уставившись на кружку и абсолютно ни о чем не думая. Я люблю так сидеть, отключив мозг. Да и большую часть жизни я проживаю с отключенной головой, передвигаясь на автопилоте, что, конечно, не всегда правильно. Могу рассказать одну историю.

Стою я перед кассой в магазине, передо мной один человек, чьи покупки уже почти все пробиты, за мной, кажется, тоже человек несколько. Я автоматически достаю банковскую карту и держу ее, зажав в руке в кармане куртки. В голове уже заготовлены ответы на стандартные вопросы: «Пакет нужен?», «У вас есть карта нашего магазина?», «Наклеечки собираете?», как вдруг что-то пошло не по плану и возле кассы появилась женщина, которая меня о чем-то спросила. Я понял, что обращаются ко мне, и поднял на нее взгляд, даже примерно не представляя, о чем речь. Она повторила. Мозг начал заводиться, и я заметил, что на меня вопросительно смотрит продавщица. На моем лице тем временем не дрогнула ни одна мышца, так как эмоции отключаются вместе с мыслями. Когда женщина в третий раз повторила вопрос, до меня дошли только отдельные слова: «Можно я куплю... вами...», смысл которых я не понял. После чего продавщица, закатив глаза, спросила у нее, какие ей нужны сигареты, и пробила чек. Только теперь я сообразил, чего от меня хотели.

И это не единственный случай неудачного взаимодействия с людьми в момент моего линейного существования.

Выйдя из ванной, Овсянка села напротив. Я не мог не заметить огромные синие пятна на ее руках, а то, что я уже видел у нее на лбу, увеличилось в размерах и пожелтело.

— Извини, что торопила тебя, — разглядывая мои ушибы, сказала она. — Я и подумать не могла, как же это хорошо. Холодная вода.

— Долго тоже нельзя засиживаться.

Я смотрел на свои руки, сцепленные на столе.

— Хреново выглядишь, — улыбнулась она.

— А ты, как всегда, прекрасно, — отозвался я, подняв глаза, чтобы увидеть ее реакцию. Она улыбнулась. — Может, идея обратиться к врачу не самая худшая? — серьезно спросил я, взглянув на ее лоб.

— У моего брата, — начала она, — была однажды такая ситуация — у него начала щелкать челюсть, он говорил, что при любом движении в голове слышится звук, словно он жует огурец, что при постоянном прослушивании выводит из себя. А при открывании рта, судя по его ощущениям, сустав каждый раз смещался. Он терпел это, пока не заметил, что не может сомкнуть зубы: передние упираются друг в друга, а отвести нижнюю челюсть назад не получается. Он забеспокоился, сказал маме, она записала его на прием к стоматологу, проконсультировалась с хирургом, и все сказали, что они в этом не разбираются и нужен специалист узкого профиля — челюстно-лицевой хирург. Само собой, в нашем городе такого нет, найден он был аж на другом конце соседнего города. Ну, он к нему поехал, прием оказался платным, врач назначил рентген, который еще дороже. На следующий день, когда брат приехал уже со снимком и еще раз описал свою проблему, врач написал заключение: «Поменьше открывай рот».

— Сурово, — не нашелся я, что еще сказать. — Так у него это осталось?

— Нет, через какое-то время он частично избавился от этой проблемы — случайно. Лег на живот, упершись подбородком в край кровати, и под тяжестью головы челюсть вернулась обратно, почти на место. После этого симптомы периодически появляются, но на короткое время.

— М-да, врагу не пожелаешь, — зевнул я, придерживая челюсть. Мало ли.

— Ты прав. — Овсянка зевнула следом. — Пора спать.

Мы еще несколько раз синхронно и протяжно, но прикрывая рот рукой, зевнули, и мне были предложены спальные места на выбор. От кровати ее родителей я сразу отказался, ссылаясь на то, что это будет не очень прилично с моей стороны. Комнату ее сестры тоже не хотелось тревожить в отсутствие хозяйки, поэтому выбор пал на кровать брата. Хотя кого я обманываю, конечно, я хотел быть как можно ближе к ней, и возможность спать вдвоем в одной комнате приводила меня в восторг. Главное теперь — сдерживать желудок, но, учитывая, сколько в него сегодня прилетело ударов, думаю, он будет вести себя тихо. Когда она достала постельное белье для меня, я в панике начал вспоминать, не храплю ли часом.

Мы легли, Овсянка выключила свет. Легли одетые, и это оказалось плохим решением. Одежда, хоть и мягкая, все равно задевает ушибленные места, и, судя по тому, что Овсянка встала и начала раздеваться, это беспокоило не только меня.

— Не стесняйся, — сказала она, и я тоже поднялся.

Свет луны слабо, но нежно касался ее тела. Волосы переливались. Боль утихла, и осталось только желание дотронуться до нее, но она легла в нижнем белье под одеяло, пожелав застывшему мне сладких снов. Овсянка повернулась к стенке, а я продолжал смотреть на ее силуэт. Слезы навернулись на глаза — отличное завершение дня. Вытерев лицо руками, я разделся до трусов и лег. Спать мне не давала боль, волнами накатывающаяся не только на бок, на котором я лежал, но время от времени и на другие части тела, бурчащий живот, который я не в силах был заглушить, и радостные мысли о нашей близости.

— А как ты думаешь, — раздался голос с соседней кровати, — чего бы добился Уолтер Уайт в Семи королевствах?

— Что ты имеешь в виду? — не понял я вопроса, погружившись в свои мысли.

— Ну, в нашем мире он сумел так подняться, а в Вестеросе смог бы хоть чего-то добиться?

Вероятно, у всех перед сном включается фантазия, которая не дает погрузиться в сладкие сновидения, и Овсянка не была исключением.

— Если учитывать, что он болен раком, — начал я, — а в том мире, мне кажется, нет лекарств, это не позволило бы ему прожить хотя бы столько, сколько в нашей реальности. Он

бы и не знал о своей болезни, пока бы не перестал дышать, а поэтому и не пытался бы изменить свою жизнь. Если бы он был здоров, то опять же не стал бы ничего предпринимать. Но даже при удачном стечении обстоятельств учитель в Вестеросе и так редкость и, скорее всего, это почетно, поэтому он продолжал бы заниматься своим делом, а учитывая его знания по химии, его мог бы сделать своим приближенным один из королей, точнее королев. Серсея, например. Ланнистеры любят сжигать своих врагов, — закончил я свою речь. — А ты что думаешь?

На мой вопрос последовало лишь ровное сопение, и я улыбнулся в темноте. Мне тоже пора.

Уснул я под чудесное сопение, а проснулся от ужасных стонов. Оторвавшись ото сна, я резко повернулся на другой бок, лицом к кровати Овсянки, приподнялся и сразу понял, в чем дело. В теле болела каждая мышца, сковывая движения. Осторожно стараясь вернуться в исходное положение, я увидел, что Овсянка свалилась с кровати и громко ругается. От боли я не мог издать ни звука, но оставлять ее на полу тоже не мог, поэтому начал медленно подниматься. И не вдруг заметил, что весь мокрый, а на постели остался мокрый след.

Овсянка тоже начала привставать, опираясь о кровать.

Она все-таки встала сама.

— А куда мы направляемся? — спросил я, дотронувшись до ее плеча.

— Я в туалет, а ты? — спокойно ответила она.

— Я не знаю.

Она усмехнулась и туда, куда и собиралась, уже довольно бодро.

Я поплелся к кровати и завалился в нее, но тут и мой мочевого пузырь дал о себе знать. Я дождался возвращения Овсянки, и, к счастью, второй подъем оказался легче первого, так что дорога до туалета не заняла много времени. Заодно и умывшись, я вернулся в комнату.

— Ужасно выглядишь, — сказала Овсянка, когда я проходил мимо.

— На себя посмотри, — поддержал я диалог.

На нее и правда тяжело было смотреть. На животе кожа почти такого же темно-сиреневого цвета, что и трусы.

Ей не понравилось, что я разглядываю ее синяки, и, должно быть, поэтому она накрылась одеялом. Я отвел взгляд.

— Не так я себе представляла наши совместные выходные, — сказала она с предплачевной хрипотцой в голосе и шмыгнула носом.

— Зато запомним их на всю жизнь. Может, даже внукам будем рассказывать.

— Нашим внукам? — уточнила она.

— Конечно, а чьим же еще? Нашим, — подтвердил я.

— Было бы неплохо. Может, тогда сфотографируемся для убедительности рассказа? — уже без хрипотцы предложила она.

— Хотя к моменту их рождения о фотографии будут рассказывать в музеях, думаю, для детей можно сделать пару снимков, чтобы пугать их перед сном.

— Блин, для внуков же нужны дети! А без этого вообще никак? — с шутливым разочарованием сказала она.

— Кажется, до этого прогресс еще не дошел, но кто знает, в какую сторону развиваются мысли британских ученых. Может, им письмо отправить — предложить эту идею?

Овсянка рассмеялась каким-то детским смехом, не как обычно. И замолчала, а я бы слушал и слушал.

У меня забурчал желудок, не понимая, почему в нем только едкая кислота, а не продукты питания. Это услышала Овсянка.

— Извини, я почему-то заранее не подумала о еде. Если честно, представляла себе, что мы, как в кино, что-нибудь вместе приготовим под романтическую музыку. А мы сейчас точно

не в том состоянии, — в ее голосе опять появилась хрипотца. — Ну кто меня тянул за язык? Я же сама все испортила.

— Еду можно на дом заказать, не беспокойся об этом. А вместе готовить — на это у нас еще вся жизнь впереди, — опять пришлось ее утешать. — Если ты меня, конечно, не бросишь в ближайшее время, — зачем-то добавил я уже тише.

Оказывается, она рассчитывала, что я поселюсь у нее на все это время. Наверно, я должен быть счастлив, и ведь я счастлив. Я даже стал замечать, что могу произносить вполне осмысленные предложения, четко выговаривая каждое слово, но пока только с ней. Хотя, если честно, кроме нее, мне не с кем поддерживать диалог, а без нее вообще пришлось бы молчать. Конечно, теперь мой главный страх — это ее потерять, но кто она? Я не то что возраста ее не знаю — даже не представляю, как ее зовут. А надо ли? Ну конечно, надо, иначе как я буду представлять ее людям? А, ну да, каким людям? Разве что Вите, но с ним и наши короткие переписки сходят на нет. У него другие интересы, друзья, развлечения, а у меня — только эта загадочная девочка, которая может испариться в любой момент, навсегда исчезнуть из моей жизни, оставив после себя только записку в газете и половинку медальона из шоколадного яйца. Хорошо хоть, теперь я знаю, где она живет. А что, если не знаю и это окажется не ее квартира, просто хозяева уехали в отпуск, а Овсянка их выследила и мы незаконно вторглись на чужую территорию? Я даже не удивлюсь, если это так, учитывая, с какой легкостью она решила пробраться в чужой бассейн. За квартиру вообще убить могут.

— Пиццу? Суши? — прервала Овсянка поток моих мыслей.

— Что? — Я, кажется слышал, что она сказала, но лучше убедиться.

— Что закажем? Ты что больше хочешь — пиццу, или суши, или, может, еще чего?

Выбор был очевиден, и примерно через час в дверь постучал курьер. Перед его приходом пришлось одеться. Молодой парень увидел мое опухшее лицо и, судя по его отворачиванию, захотел как можно быстрее отдать мне пиццу, уволиться и найти спокойную работу в каком-нибудь офисе — если б не отсутствие знакомств и образования. Поэтому он с деланой улыбкой произвел обмен еды на деньги и мигом испарился, даже не пожелав хорошего дня или приятного аппетита.

Трапезничали мы каждый на своей кровати. И, когда в руке Овсянки оказался последний кусок пиццы, она, сжав зубы, пробормотала: «Я сожгу их дом». Я ожидал подобного развития событий, но как реагировать на эту фразу не придумал, и поэтому, как обычно, промолчал. Овсянка, жуя, ждала моей реакции, но, ничего не услышав, продолжила сама:

— Давай сожжем их дом.

— Мы же сами виноваты, — ответил я.

Конечно, во мне тоже кипит ненависть, но я уже научился гасить ее по ходу жизни, поэтому стараюсь здраво смотреть на вещи и отвечать за свои косяки самостоятельно — осталось только донести эту мысль до Овсянки.

— Да что мы такого сделали? — искренне удивилась она.

— Серьезно? Ничего хорошего.

— Как хочешь, — фыркнула она в ответ, — пойду без тебя.

— Куда ты пойдешь? Что ты сможешь сделать?

— Убить их. Всех до одного.

— Скорее тебя еще раз избыют.

— Знаешь, если бы не ты, я бы от них запросто убежала, — попыталась она унижить мое чувство собственного достоинства, но ему уже некуда было унижаться.

— Если бы не ты, всего этого не случилось бы! — кажется, крикнул я в ответ.

— Да, ты прав, — спокойно ответила она. — Я создала эту проблему, и я сама с ней разберусь.

— Хорошо, — сказал я виновато. — Давай сожжем их дом. — Я закатил глаза, чего она не видела, и развел руками.

Конечно, ничего такого не будет. Овсянка решила пока все спланировать, прийти в себя и броситься в атаку, но, я надеюсь, она остынет за несколько дней.

И она остыла. День прошел замечательно. Конечно, боли никто не отменял, но сколько можно ныть? Почти все время мы пролежали на кроватях, разговаривая о всякой ерунде. Я пытался шутить, она смеялась.

Каждое мгновение, проведенное с ней, было прекрасно, и каждый раз, когда наступало время расставания, что-то внутри меня умирало. Поэтому я не хотел, чтобы эти мгновения заканчивались.

Следующие несколько дней прошли так же лениво. К счастью, опухоли спали, боль прошла, оставив на наших телах только синие и желтые пятна, которые местами начали исчезать. И теперь единственное, чего я хотел, — чтобы ее родители не возвращались как можно дольше.

Моему удивлению не было предела, когда Овсянка, повозившись где-то в квартире, принесла канистру с бензином, бутылки и какие-то тряпки. Долго размышлять о связи этих предметов не пришлось, и, когда в голове все сложилось, я потерял дар речи. Все это время у нее зрел план, а она даже виду не подавала. Или подавала, но я просто этого не замечал.

— Давай сейчас все приготовим, а вечером покажем им кузькину мать, — сказала она.

— Что, прости? — переспросил я.

— Сожжем их, — ответила она, но ее мысль и так была понятна.

Знаете, бывает в жизни каждого человека момент, когда надо просто отдаться судьбе, перестать сопротивляться и плыть по течению. У меня так проходит большая часть жизни, поэтому я мысленно развел руками и смирился с происходящим.

Я даже не задавал вопросов, кажется, вообще не сказал ни слова, пока мы разливали бензин по бутылкам, смачивали тряпки и затыкали ими горлышки. Какой сейчас век? Каким надо быть недоразвитым, чтобы жечь эти чертовы коктейли Молотова? Как всегда, задаю себе вопросы и оставляю их без ответа, ведь мой мозг осуждает хозяина. Ну, ничего, может в старости отомщу ему сигаретами и алкоголем, только не сегодня.

Сегодня мы идем убивать людей. Само собой, наиболее вероятным развитием событий станет встреча с нашими старыми знакомыми, которая на этот раз может оказаться последней — не только с ними, но вообще с живыми людьми. Но я со всем смирился и поэтому стою у входной двери, ожидая, когда Овсянка подберет себе все черное, чтобы слиться с ночной темнотой. От безысходности меня трясет, и я готов одновременно прыгать на месте и кататься по полу.

Овсянка вышла наконец из своей комнаты, вся в черном, но мне даже не хочется ее разглядывать, мысли заняты совсем другим. Она подошла к двери с ключом, а я вовсю придумывал молитвы, чтобы этот день побыстрее закончился. А может, вспомнить, что я мужчина, стукнуть кулаком по столу и запретить ей сжигать чужие дома?!

Мои мысли прервали чьи-то голоса за дверью и звук засовывания ключа в скважину — естественно, снаружи. Кажется, если бы я не сходил в туалет пятнадцать минут назад, то сейчас все произошло бы само собой.

Овсянка застыла, поменявшись со мной ролями, поэтому я дернулся обратно, но она схватила меня сзади и рывком перенаправила в другую комнату, где за эти дни я не побывал ни разу. В поворот я не вписался и врезался ящиком, который все это время держал перед собой, в дверной косяк. Драгоценное время было потеряно. Дверь открылась. Овсянка последним толчком ткнула меня в шкаф, и я ударился еще и об него, на этот раз пальцами обеих рук, которыми обхватил ящик. Каким-то чудом он не упал, и я даже смог вроде бы бесшумно поставить его на пол.

За дверью стал кричать мужчина: «Что тут вообще происходит?!», «Ты что, под наркотой?!», «Хорошее возвращение устроила, мать твою!» И еще что-то — неразборчиво и, кажется, нецензурно. Тихие ответы Овсянки я не смог услышать.

Я рванул в шкаф, и вместе с закрыванием дверцы открылась дверь в комнату.

Стук моего сердца и учащенное дыхание вполне могли разбудить соседей сверху и снизу, но надежда остаться незамеченным была жива.

Дверца шкафа распахнулась. Но я вижу только тьму, а слышу хихиканье. Понимаю, что глаза закрыты. Кажется, я забыл, как открываются глаза. На секунду я задумался — а помню ли, как дышать, — и резко перехватило дыхание, ведь и эту способность вспомнить не получалось. Я начал задыхаться, но как шевелиться, мне сейчас тоже никто не мог напомнить. Недолго осталось Бамбуку на самой грешной из планет.

Человек схватил меня за руку и потянул на себя. Я упал вперед, прямо на него, как на матрас.

Чувства вернулись ко мне, и я, жадно хватая воздух, скатился с какой-то девушки, которая смотрела на меня, не слишком довольная увиденным.

— Ч-ч-ч, — попытался я что-то выдать.

— Сам ты чмо, а я Эмма, — сказала девушка, поднимаясь с пола.

— Н-н-н... — Кажется, мои проблемы усугубились: я стал заикой.

— Ладно, попытайся стабилизировать дыхание и немного расслабиться. Как соберешься с мыслями, садись рядом со мной. — Она погладила меня по спине и села на диван.

Если бы у меня на руке был пульсометр, он, наверно, сгорел бы. Вены стучали даже на лбу. Голова начала кружиться.

— У нас не так много времени, — тихо сказала она.

Хорошо, что Овсянка не видит мой позор. Ради нее надо собраться. Я вскочил на ноги, и у меня потемнело в глазах, но почти сразу стало лучше. Я сел рядом с Эммой.

— Станный у моей сестры вкус на парней, — ухмыльнулась она.

— Я не всегда такой, — сказал я, запинаясь.

— Этот ящик с бутылками, от которых пахнет бензином, — что ты можешь рассказать об этом?

Не умеет она вести спокойную беседу.

— Долгая история, — ответил я.

— Она связана с тем, что вы оба побитые. Или вы друг с другом подрались? — сдвинула она брови.

— Мы неудачно сходили погулять. — Я задумался, как продолжить. — В лес. А это, — ткнул я пальцем в ящик, — это она такая мстительная.

— Ясно. — Она улыбнулась. — Хотя не особо, но от тебя сейчас подробностей не добиться, а Ева со мной не разговаривает.

Она сказала еще что-то, и я вроде начал воспринимать, но тут меня осенило. Ева. ЕВА! Боже, какое прекрасное имя! Я ненавижу татуировки, но эти три буквы должны красоваться на самом видном месте.

— Я давно хотела сказать тебе спасибо, ведь после всего, что с ней произошло, твое появление в ее жизни подарило ей смысл дальнейшего существования. — Она развела руками и скорчила недоумевающую гримасу, когда посмотрела мне в лицо. Я бы сам сейчас был не прочь на себя взглянуть. — Ты что-то сильно счастливым стал. Любишь, когда тебя хвалят?

— Нет. Просто... — Я провел ладонями по лицу. — Это прозвучит очень странно, но я только сейчас узнал, как ее зовут.

— В смысле? Ты же тот парень из газеты? Или она уже нового хахаля нашла? — с недоверием спросила она.

— Да, это я. После того случая я долго не мог спать нормально.

— Ну да, ты впечатлительный. Я бы посоветовала тебе к психологу сходить, ну да ладно, продолжай. — Она попыталась посмотреть мне в глаза, но я уставился в пол.

— Когда мы познакомились, я случайно назвал ее Овсянкой. Это в честь очень красивой птицы. Ей это понравилось, и она решила не называть свое имя.

— Вы друг другу подходите, — закатила она глаза.

— Да-а, — протянул я. — Ты мне спасибо за что-то говорила, я немного прослушал.

— После той трагедии ты вытащил ее из тьмы, — с грустными глазами повторила она.

— Извини. Овсянка не рассказывала мне ни о какой трагедии, — сообщил я.

— Я про смерть нашего брата. И ты уже можешь называть ее Евой.

— У вас было два брата? — все же решился я внести ясность.

— Нет, один. Ты и это не знаешь? — удивилась она, и мне стало стыдно.

Чувство стыда даже приглушило взрыв, случившийся в моем сознании от того, что брат Овсянки мертв.

— Мне кажется, она хотела разделить меня и семью. Я узнал, где она живет, пару дней назад, — попытался я оправдаться в ее глазах.

— Ева вроде успокоила отца. — Эмма посмотрела на дверь и прислушалась. — У нас есть время. Хотя я посвящу тебя в это. Я старший ребенок в семье. Помню тот день, когда из роддома родители привезли два свертка. Моя жизнь тогда сильно изменилась, но проблемы старшего ребенка в семье и так часто обсуждаются, поэтому не сегодня. С того момента они всегда были вместе, а я — почти всегда сама по себе. Лет до десяти они даже вместе мылись в ванной, чего уж говорить обо всем остальном. Они никогда не ссорились и все проблемы перенаправляли на меня.

В какой-то момент мы с родителями поняли, что у них даже нет друзей, но им это совсем не мешало: жили в одной комнате, играли в одни игрушки, гуляли всегда вдвоем. В школе они сидели за одной партой. Преподаватели посчитали, что это мешает их развитию, и однажды распределили их по разным классам, но они устроили такую истерику, что пришлось все вернуть на круги своя. — Эмма улыбнулась. — Я бы не выдержала таких отношений ни с кем, но они не знали другой жизни и не видели никого, кроме друг друга. Не знаю, что было бы с ними дальше, по мере взросления, но два года назад все изменилось.

В тот вечер мы с родителями смотрели в их комнате телевизор, а Ева была в своей и, как обычно, говорила с братом по телефону. Отец заставил его найти работу на каникулы, и в этот день брат, как всегда, возвращался домой. Ева громко смеялась, наверно, он рассказывал ей смешные истории, приключившиеся с ним за день. Само собой, бóльшую часть он придумывал, он был отличный выдумщик, а она слушала.

Помню, как она вскрикнула, но мы не отреагировали. Она крикнула еще несколько раз, и мама пошла посмотреть, что случилось. Она кричала, что надо бежать, но никто ее не послушал. Почему мы не поверили ее слезам? — Эмма ударила себя кулаками по голове. — Ева сама побежала к выходу, но папа ударил ее по лицу, призывая успокоиться, и мы с мамой даже не возразили. Ева пнула его ногой, а он за волосы втащил ее в комнату, отобрал телефон и запер дверь.

Минут через пять на экране телефона появилось имя брата. Отец уже собрался накричать на него, строго сказал «алло», но на глазах побелел. Через десять минут мы уже были на месте аварии и даже не вспомнили про Еву, запертую в комнате. Они отправили меня домой, а сами поехали в больницу.

В тот момент я ненавидела весь мир, не представляю, что тогда было с родителями, но точно помню, что было с Евой. Зайдя в квартиру, я подошла к ее двери и очень долго не могла решиться ее открыть. У меня не было ни слов, ни сил на все это, казалось, пока она не знает, что он уже мертв, есть какая-то надежда.

И вот я открыла дверь. На полу лежала Ева, она была без сознания, а на ней — разбитая люстра, привязанная к шее. Она не получила серьезных повреждений, но очнулась

только в больнице. Когда ей сказали про брата, она даже глазом не моргнула. На месяц ее положили в психиатрическое отделение. Это ей слабо помогло, учитывая последующие попытки самоубийства. Около года она с нами не разговаривала, а в школе жаловались, что Ева оскорбляет одноклассников.

В первую годовщину она неожиданно сказала нам «доброе утро». Мы и не поняли, было это произнесено с сарказмом или она просто не знала, как еще заговорить с нами, но с того момента все стало понемногу налаживаться. Ну, как налаживаться — она начала больше есть, перестала кричать по ночам, но удалилась из всех социальных сетей, в которые все равно не заходила с того самого дня, вынесла телевизор из комнаты, купила самый дешевый телефон, хоть пользуется наушниками, которые я ей подарила.

— Я... Я не знаю, что сказать. Я бы никогда не подумал. Она мне говорила, что он жив.

— Может, так она и нашла себе утешение. Решила, что он уехал.

Мы замолчали.

Столько информации сразу не могло уместиться в моей голове. Овсянка... Ева всегда казалась мне жизнерадостной.

— А когда вы переехали сюда? — вспомнил я.

— Полгода назад. Квартира в точности как наша старая, таких домов в городе много. Кстати, после переезда ей стало лучше, а после твоего появления она иногда ходила по квартире с улыбкой до ушей. — Эмма улыбнулась.

Голова просто кипела. Если сегодня произойдет что-то еще, я не выдержу. Очень хотелось спать, но то, что я узнал, еще долго не даст мне уснуть.

Дверь открылась. Увидеть Еву я и не надеялся и был прав. Ее отец был с меня ростом, но раза в два крупнее. Ничего хорошего от нашего общения я не ждал, но, судя по лицу, убивать он меня не будет. Эмма обхватила меня со спины за плечи — вошедшей следом за отцом Еве это не очень понравилось.

Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза, и он решается заговорить первым.

— Не бойся, солдат ребенка не обидит. — Он сделал в мою сторону несколько шагов.

— Да я не особо боюсь, — сказал я так тихо, что даже Эмма не услышала.

— Пап, у него сегодня был длинный день, может, потом все обсудите? — Эмма вышла из-за моей спины.

— Да, Ева сказала, что он уже собирался уходить.

После этих слов Ева бросила испуганный взгляд на него, потом на меня, но я лишь слегка улыбнулся, давая понять, что для меня это уже не тайна.

— Хорошо. — Эмма подошла к нему. — Оставим их ненадолго, им, наверно, есть о чем поговорить.

— Оставим? Вдвоем? — переспросил он, но Эмма увела его из комнаты.

Овсянка закрыла дверь. Опять это съедающее молчание.

Ева не решалась подойти ко мне, разглядывая ящик с бутылками, запах от которых проник во все уголки комнаты. Я не знал, с чего начать разговор. И, как обычно, первое слово сказал не я.

— Прости, что все так получилось, — в который раз извинилась она.

— Всякое бывает, — ответил я и подошел ближе.

Она обняла меня — первый раз, и по всему телу побежали мурашки. Я обхватил ее в ответ. Как же пахнут ее волосы. Кажется, это запах шампуня, средства от синяков и цветов с райского луга вперемешку со свежим морским ветерком. От меня сейчас пахнет только потом, поэтому я постарался ослабить хватку и тактично отступить.

— Тебе Эмма сказала, как меня зовут? — после объятий мы сели на диван и продолжили разговор.

— Да, еще она рассказала про твоего брата.

Мои слова испугали ее.

— Зачем?

— Так получилось, — не стал я вдаваться в подробности.

— Как же я их ненавижу, — прошептала она. — Они не понимают, что он для меня значил.

— Ты не хотела, чтобы я и твоя семья пересекались? — решил я убедиться в своей правоте.

— Нет. — Она подбирала слова. — Ты стал для меня чем-то более важным, чем они. После той аварии я впервые полюбила кого-то, кроме мыслей о смерти. Ты стал для меня семьей, и я не хотела все испортить. Но все испортила.

— Ты ничего не испортила. Мы всегда будем вместе, — воодушевился я, — давай поженимся, когда нам будет лет по двадцать. Ничего не изменилось, просто я лучше узнал тебя.

— Да. — Она даже не среагировала на мои слова. — Отец отправляет меня в лагерь на лето. На другой конец страны. Говорит, совсем от рук отбилась. Пока я буду в лагере, они будут решать, что со мной делать дальше. — На пол упало несколько капель с ее опущенного лица, за которое она схватилась.

— Ну, многие ездили в лагерь. Может, ты на самом деле развеешься, — сказал я.

— Ты дурак? — спросила она.

— Нет, — сразу ответил я.

— Это не обычный лагерь. Это что-то типа реабилитации. Я плохо поняла, много слов пропустила мимо ушей, пока думала, как воткну ему нож в горло.

В Овсянке кипела ненависть, такой я ее еще не видел. Я понимал, что сейчас надо как можно внимательнее следить за словами, чтобы ее гнев не выплеснулся на меня. И — да, теперь я боюсь ее. Впервые я настолько не знаю, чего ожидать от человека. Сейчас она уже не та Овсянка, с которой мы провели столько незабываемых дней, это уже Ева — озлобленная, неуравновешенная суицидница.

— Ева, давай сбежим. Сейчас. — Кажется, Бамбука понесло.

— Повторю вопрос. Ты дурак? — ответила она, и я был рад этому ответу.

— Не знаю.

— Ладно, тебе на самом деле пора домой, а мне — выслушивать массу оскорблений. И — можно я останусь Овсянкой? Имя, данное тобой, приятней моим ушам.

— Хорошо, мне тоже так привычней. Когда мы теперь увидимся? — спросил я.

— Завтра. В то же время на том же месте. — Она встала и подошла к двери.

Я вышел из квартиры, не встретившись больше с ее родственниками.

Ночь оказалась безлунной, и только тусклый свет редких фонарей не позволял мне сойти с ума. От ночной прохлады и впечатлений меня трясло.

Не заметив дороги, я оказался возле своего дома. Нашупав ключи в заднем кармане, вошел в квартиру. Как давно я не чувствовал этот родной запах, от которого на душе стало хоть немного, но спокойнее.

Однако спокойствие длилось недолго, а ровно до тех пор, пока мама не включила свет в прихожей, ослепив меня со словами:

— Кого это к нам занесло!

От испуга я подпрыгнул и едва не закричал на весь дом. От нервного срыва меня отделял только случайный удар мизинцем о тумбочку или диван.

Очень стараясь сдерживаться, я спросил:

— Ты что тут делаешь?

— Живу. Точнее уже почти сплю, но тут ты решил вернуться, — она пристально в меня всмотрелась. — Боже! Кажется, поход не задался. — И подошла ближе.

— Мам, я устал, — я попытался отстраниться, но за мной была дверь, не позволившая маневрировать. — Давай днем поговорим.

— Иди хоть под душем помойся, а то сейчас проветривать надо будет за тобой.

Так я и сделал. Мы оба понимали, что никакого разговора завтра не будет. Возможно, только пара шуток в мой адрес, и на этом все закончится.

Только намылив голову, я понял, что она сказала «поход», но моя голова и так кипит, как чайник, поэтому подумаю об этом завтра. Вернее, уже сегодня.

Заснуть я, конечно, не мог еще несколько часов, ворочаясь с боку на бок.

Почему я не остался с Евой — она же именно этого и ждала? «Нет, мне не пора, ты же сказала, что мы семья, поэтому все наши проблемы общие, давай вместе выслушивать оскорбления». Эта фраза многое бы изменила, а может, в ответ она бы просто усмехнулась и выпроводила меня или был бы страстный — наш первый — поцелуй, который продлился бы вечность.

Ладно, что сделано, то сделано. Но почему я даже не обнял ее напоследок, чего она точно ждала? Ну нельзя быть танком по жизни! Господи, что со мной не так?

На этих мыслях мой мозг достиг пика производительности и пошел на перезагрузку, отправив меня в тот мир, где я снова и снова проживал этот вечер. Наверно, это был ад.

Ад, прекратившийся со звонком будильника, постановленного мамой, чтобы не опоздать на работу.

Лето — такое время, когда не знаешь ни числа, ни дня недели, и от этого тело пронизывает приятная волна наслаждения. Только летом ощущаешь себя свободным.

Проснулся я с тем же, с чем и засыпал, и быстро посмотрел на часы в телефоне, чтобы убедиться, что еще не полдень и до нашей встречи есть время. Впереди пять часов.

Организм стал убеждать меня, что я вообще не спал. В это начинаешь верить после первой же попытки подняться. После второго безуспешного рывка я решил подождать, когда мама начнет завтракать, и только тогда смог встать и, немного пошатываясь, дойти до кухни.

— Я думала, ты весь день проспидь, — встретила меня мама.

— Я не сильно устал, чтобы долго спать, — зачем-то сказал я. — Хотел спросить: а когда ты вернулась?

— Я и не улетала.

От удивления у меня вырвался нервный смешок.

— Командировка отменилась? — начал я выяснять причину.

— Нет. Не было никакой командировки. Просто мы решили так в поход тебя заставить пойти.

После этих слов я уже процентов на девяносто был уверен, что с моей головой что-то не то или что я нахожусь в параллельной реальности. Все, что происходит после встречи с Эммой, кажется инородным моему мозгу. А была ли вообще эта Эмма? Ева? Какой сейчас год? День? Что вообще происходит?

— Вы решили? — задал я вопрос через силу.

— Мне позвонила твоя подруга, — начала мама, и мне показалось, что меня сейчас вырвет. — Она сказала, что ваша компания хочет пойти в поход, а ты сопротивляешься, и мы с ней договорились таким образом тебя уговорить.

Я понял, что я или не болен, или болен настолько, что серое вещество атрофируется и в предсмертной агонии сочиняет подобные вещи. Но если так и было, то как Овсянка все это провернула, а главное — зачем? Я начинаю терять ее. «Теперь ты — моя семья». Интересно, что должно было произойти с нами за эти дни, если бы не встреча с хозяевами бассейна? Или то избиение тоже было запланировано?

— И ты согласилась отпустить меня с незнакомыми людьми? — попытался я отвлечься от кипящего котла в своем черепе.

— Когда она сказала, что у тебя есть друзья, я обрадовалась. Сколько можно сидеть дома перед компьютером? — ответила она.

— Ну да, хоть развеялся. — Снова нервный смех.

— Вы там подрались и тебя прогнали? — она бережно тронула один из моих синяков на руке.

— Нет. Устроили рыцарский турнир на палках. Все уже разъехались, — я впервые правдоподобно соврал, даже не заикаясь.

Мама поверила или сделала вид, что поверила. И ушла на работу. А я без десяти двенадцать стоял на нашем с Овсянкой месте.

Погода стояла совсем другая, чем в нашу первую встречу. Жарко светило солнце, земля растрескалась. Я улыбнулся, взглянув туда, где была та самая лужа, с которой все и началось.

С каждой минутой страх предстоящей встречи усиливался. Не было ни одной идеи, как начать разговор, словно сейчас я встречу с незнакомкой и она по-прежнему прекрасна.

На часах пятнадцать минут первого, но на горизонте кто угодно, только не Ева. Я начинаю думать, что она не придет. От этого становится легче, напряжение спадает, но ужасает мысль, что я больше никогда ее не увижу. Этого я не могу допустить.

Я только сделал шаг по направлению к ее дому, как ощутил прикосновение на своем плече. На мгновение я телепортировался в прошлое и с облегчением обернулся.

Это Эмма.

— Привет. Давно не виделись, — улыбнулась она. — Ева меня сюда послала. — Эмма закатила глаза. — Короче, она уже уехала.

— В смысле? Почему так быстро? — произнес я в панике.

— У тебя на меня такая реакция или на всех людей?

— На тебя. — Я покачал головой. — На всех. — Снова покачал. — Просто ответь.

— Родители уже давно запланировали купить ей путевку, а раньше не сказали, чтобы она не успела начать сопротивляться. Поставили перед фактом.

— Но это неправильно, — сказал я вполголоса. — Так не должно быть.

— Слушай, Бамбук, — она усмехнулась, — живи своей жизнью, забудь о ней.

— Что!? — негромко воскликнул я. — О чем ты вообще?

— Ладно, у тебя все равно нет с ней связи. В общем, не факт, что после лагеря она вернется домой. Точнее, она не вернется домой осенью. Там ей уже нашли школу, и ты нескоро ее увидишь.

— Она же убьет себя, — возмутился я.

— Когда она об этом узнает, ее уже должны будут подготовить к новости, — невозмутимо сказала Эмма.

— Понятно, почему она вас ненавидит. Уроды. — Я развернулся и пошел в сторону дома с мокрыми глазами.

Я шел медленно, ожидая, что Эмма меня остановит или что-то крикнет, но нет.

Зайдя в квартиру, я разулся, сел на диван и стал смотреть в пол. Через полчаса до меня дошло, что я не плачу, как того требует ситуация. Этот факт вызвал удивление. Нет никакой истерики, мне не хочется никого убить, рвать на себе волосы — нет, я просто смотрю в пол.

Вот уже два месяца я смотрю в пол. Лишь иногда ночью вскакиваю в холодном поту, но это быстро проходит. Как и вся жизнь. И это последнее лето.

Последнее лето. Новая жизнь

Кажется, сейчас август. Да, наверняка, судя по миллионам записей в социальных сетях, повествующих о том, что скоро учеба. Я лежу на серой кровати, просматривая очередную серую серию очередного серого сериала, прожигая очередной серый день серой жизни. Шторы на окнах уже много недель не позволяют увидеть серость улиц, да и кому оно надо.

«В сентябре выйду на улицу, раньше там нечего делать», — сказал я маме несколько десятков дней назад, а я слов на ветер не бросаю. Вообще-то бросаю, конечно, но сейчас разумнее придерживаться спокойного, размеренного, серого жизненного плана.

За время с моего последнего выхода за пределы квартиры я, судя по всему, набрал что-то около десяти килограммов. Интересно будет посмотреть на себя в зеркало. Подойду к нему через несколько дней. Не знаю, с чем это связано, но у меня начала появляться щетина, а ведь я уже надеялся, что эта проблема обойдет меня стороной. Из-за того что лицо колется, приходится не снимать футболку. Наверно, она уже пахнет, но мама в мою комнату теперь почти не заходит, а мне смешение стольких запахов никоим образом не доставляет мне неудобств.

О наступлении вечера напоминает мама, вернувшаяся с работы, а затем, через несколько часов, желающая мне спокойной ночи. Спать я ложусь обычно на другой бок, чтобы не было пролежней. Боли мне пока хватает, эта будет уже лишней. Прошлой ночью я опять видел сны, которые сразу забываются, а потом приходит понимание, что ты видишь это не в первый раз.

Обыденное утро смогло меня удивить, ударив по глазам солнечным светом, а по ушам — звуком раздвигаемых штор. Отлично, солнце на месте, конец света не наступил. А жаль.

— Что такое? — открыв глаза, спросил я у стоявшей у окна мамы.

— У меня хорошие новости, — сказала она. — Но сперва иди под душ, позавтракай овсянкой, — от этого слова меня перекоरेжило, — и я тебе кое-что расскажу.

Мама редко бывает такой радостной. Это подарило мне надежду, и я, согласившись, пошел в ванную. А что, если все это не просто так? Хорошие новости, овсянка — это не может быть совпадением. Сердце забилося сильнее — хотя, наверно, из-за нагрузки на организм. Не всем, знаете ли, легко пройти столько шагов до ванной комнаты, да еще и раздеться, а потом и руками по душем пошевелить, смывая с себя пот и непонятно откуда взявшуюся грязь. Все окружающее понемногу начало расцвечиваться разными красками.

Мама ничего не знает про Овсянку, но, может, она позвонила сюда? Да, точно, сквозь сон я слышал, как мама с кем-то разговаривала по телефону. Но откуда Ева может знать наш номер или мамин? А может, она позвонила на мой? Да нет, он же под подушкой.

Помывшись, я ощутил легкость. Наверно, надо это делать почаще. Утро меня взбодрило, и я даже решил побриться, благо мама неделю назад купила мне бритву, заметив растительность на моем лице. И, наверно, даже почищу зубы — хорошо, что моя щетка все еще стоит на своем месте. Вспомнить бы, как ею пользоваться.

Бритье отняло немало времени и крови, зато лицо задышало свободой, а после чистки зубов я ощутил себя живым человеком, впервые за долгое время. Только щеки стали круглее и, если опустить взгляд на ноги, видимая часть ступней стала меньше. Теперь на очереди овсянка и хорошие новости.

За любимой кашей я даже забыл о своем правиле не есть по утрам.

— Вот, хоть на человека стал похож. — Мама села за кухонный стол.

— Надо чаще этим заниматься, — ответил я.

— Скоро будешь, — решила она меня заинтриговать.

— Ты меня в детдом сдашь? — решил я пошутить.

— Такие быки там не нужны.

— Тогда что за новость? — Я доел кашу и приготовился слушать.

— Меня на работе перевели в другое место. Удвоили зарплату.

— Что за место?

— Есть такой город. Родж называется.

— Странное название, — сказал я.

— Да, наверно. Это в США. — После этих слов я подавился, хотя давиться было уже нечем.

— Ты уезжаешь в Штаты? — откашлявшись, спросил я.

— Мы уезжаем. Это пока на год. Фирма что-то придумала, и тебе дадут учебную визу. Улетаем через шесть дней.

Я, как и многие мои ровесники, после просмотра стольких фильмов и сериалов мечтал побывать в Америке, но никогда бы не подумал, что это может оказаться реальностью. Я даже больно себя ущипнул. Я не знал, как можно проявить свою радость. Я уже и слово такое забыл.

— Надо съездить в колледж, узнать, как что нужно сделать. Посмотри в интернете, они сегодня работают? — сказала она, и я, подпрыгивая, побежал включить ноутбук.

То, что я практически не знаю английский, несколько меня расстроило, но мама поведала, что учеба начнется не раньше октября, а весь сентябрь и оставшиеся дни до отлета мы будем усиленно учить язык.

Полученных знаний хватило для выхода из аэропорта и вызова такси до отеля — перевалочного пункта по пути до места назначения.

В новой стране чувствуешь себя чужим, неким первооткрывателем, и это волнительное ощущение чего-то нового, неизведанного — прекрасно.

Мысли о Еве периодически раскрашивают все окружающее в серый, но краски новой жизни его побеждают. Может, Эмма была права, надо отпустить и забыть, но сделать это будет непросто: слишком уж огромное место в моей жизни занимала Овсянка, оставившая неизгладимый след в моих мыслях, чувствах, видении мира. От этого невозможно избавиться, и память о ней не должна покидать разум. Никогда.

Остаток дня и ночь мы провели в гостинице, а наутро приехала машина от маминой фирмы и перевезла нас в новый дом на ближайший год. За время поездки я успел уснуть, поэтому въезд в город увидеть не удалось.

Дом двухэтажный, наверно, стандартный для Америки, и, думаю, в первое время будет непросто его запомнить, ведь никаких примечательных отличий не наблюдается.

Большинство вещей осталось дома, где сейчас пусто. При мысли об одинокой квартире где-то там, за много тысяч километров, мне даже поплохело. Я сильно привязываюсь к вещам, а уж комнаты, в которых прошли семнадцать лет моей жизни, занимают огромную ее часть.

Мама вошла в дом, а водитель решил помочь и втащить несколько сумок, пока я разглядываю длинную тридцать шестую улицу.

— Привет! — услышал я со стороны соседнего дома английскую речь.

Это я точно в состоянии понять. Повернув голову, я увидел прекрасную брюнетку с более темным, чем у меня, цветом кожи. Она, заметив мой взгляд, стала махать мне и широко улыбаться.

— Привет, — ответил я, растянув губы в улыбке.

Она произнесла что-то, быстро и неразборчиво для моего слуха, но я услышал слово, похожее на «сосед», что так и было. И, вспомнив все, что знал, сказал об усталости после долгой поездки и что мы еще увидимся. В ответ она сначала нахмурилась, потом громко рассмеялась и убежала в дом, махнув рукой. Надеюсь, я никого не оскорбил.

Теперь я слышу крики мамы, что надо занести сумки в дом, ведь водитель не должен надирать спину вместо меня. Кричала она достаточно громко, чтобы мне стало стыдно, и я, оглядевшись по сторонам, быстро внес за порог две последние сумки.

В доме я сразу приметил комнату на втором этаже с огромными окнами, выходившими на задний двор. Комната эта была в два раза больше моей предыдущей, и в ней как раз уже оказались мои сумки, когда мама начала выбирать себе пристанище. Так у меня появилась настоящая американская жилплощадь.

Первым делом я прыгнул на кровать. Мир еще не видел столь упругих матрасов, и это великолепно. Новая жизнь мне нравится все больше и больше. Разобрав свои сумки и разложив вещи по ящикам и шкафам, я повесил на стену кусочек старой жизни — вырезку из газеты и половинку медальона из шоколадного яйца. Еще настанет день, когда он станет цельным, но не сегодня.

Мама заняла комнату на первом этаже, и получилась, что у каждого своя ванная и свой туалет. Мечты сбываются.

Смыв с себя усталость под душем, я вышел осматривать свои владения на задний двор, с неровным газоном, качелями с одной стороны и мангалом с другой. Сев на качели, я услышал за спиной уже знакомый голос, а обернувшись, увидел над забором лицо нежно-коричневого цвета. К сожалению, я не смог понять, что она говорит, и поэтому попросил ее говорить медленнее, сославшись на незнание английского.

Перепрыгнув через забор, она быстрым шагом подошла ко мне, приобняла и, протянув руку, сказала, что ее зовут Бритни. Я тоже представился, но было видно, что мое имя ей не слишком дается, поэтому я сказал:

— Просто Алекс. Хорошо? — Я улыбнулся: судя по ней, здесь это принято.

— Здорово. Красивое имя, — ответила она. — Рада тебя видеть.

Она сказала это быстро, но благо слова оказались мне знакомы.

— Можешь всегда говорить медленнее? — вновь попросил я ее по слогам.

— Ты плохо знаешь английский. Я права? — уточнила она, стараясь отделять каждое слово.

— Да.

— Я вернусь, — сказала она.

И убежала к своему дому.

Я проводил соседку взглядом и пересел лицом к ее двору. Мама тоже вышла, сказала: «Красота!», прошла по участку.

— Может, пиццу закажем? — предложил я, невольно вспомнив, как мы с Овсянкой определяли самую вкусную.

— Надо что-то придумать. После всех этих переездов нет сил ходить по магазинам в поисках пропитания.

В этот момент Бритни перелезла через забор, испугав маму. Я снова с ней поздоровался. В фильмах американцы постоянно друг с другом здороваются. Она, подойдя ко мне и крикнув «Привет!» маме, протянула пакет, приоткрыв который я увидел детские книжки. Она что-то сказала, но я не понял. Она повторила несколько раз, но я дал понять, что не понимаю. Она хлопнула себя ладонью по лицу.

— Если ты читаешь книги, ты становишься умнее, — сказала она совсем простым языком.

— Хорошо, — улыбнулся я.

Она опять приобняла меня, только теперь, перед мамой, мне было еще неудобнее, чем в первый раз. И тут у меня сильно заурчало в животе.

— Ты хочешь есть? — спросила Бритни.

— Да. Не знаешь, где здесь магазин? — спросил я в ответ.

— Конечно, я знаю. Я же не сегодня сюда приехала!

— Можешь сказать, где он?

— Я могу все, — ответила она, странно улыбувшись. — Подожди. — И она перелезла через забор.

— Быстро ты знакомство завел, — подошла ко мне мама. — Кто это?

— Это Бритни. — Я протянул маме открытый пакет. — Вот, дала мне книжки, чтобы учить язык.

— Ой, это Микки Маус! — сказала мама с сарказмом, намекая на дошкольное предназначение врученной мне литературы.

— Ну, мам, они же не учили язык с репетиторами, а по этим книжкам все узнавали, — попытался я объяснить.

В доме раздался звонок. Мама пошла посмотреть, что это, и через полминуты позвала меня. На пороге стояла Бритни и, судя по всему, ее родители.

— Пошли с нами. Мы имеем еду, — сказала Бритни.

Это прозвучала глупо, и мама моей новой соседки ткнула ее в бок.

— Нет, это... — я хотел было сказать «неудобно», но, увы, не знал как.

Бритни засмеялась, взяла меня за руку и потащила в сторону своего дома.

— Хорошо-хорошо, одну секунду. Сейчас придем, — надеюсь, именно это сказал я, вырвался из ее хватки и направился к маме, стоявшей на пороге. — Мама, они зовут нас есть. Так здесь принято, пошли.

— Я и так это поняла, — ответила она. — Ты пытался отказаться?

— Да, но словарного запаса не хватило, поэтому пойдем.

Я заметил, что впервые с таким энтузиазмом хочу покинуть пределы своей среды обитания. Это они настолько к себе располагают или я действительно изменился? Но люди так быстро не меняются.

Мы зашли к ним в дом. Увы, я не из тех людей, которые отмечают расстановку мебели, дизайн интерьера. Все это проходит мимо моих глаз. Мама Бритни усадила нас за кухонный стол, а сама отлучилась к плите. Слева от меня оказалась мама, а по правую руку — Бритни.

— Как вам наш город? — спросил ее папа, сев напротив нас, и добавил еще какие-то слова.

— Неплохо, — ответил я, хотя хотел сказать: «Мы только что приехали и ничего, кроме дома, еще не видели».

— Вы должны побывать на Аллее Президентов, — сказал он.

— О да, конечно, — ответил я.

После того как мама сообщила, что мы переезжаем в Родж, я немного почитал об этом городе в интернете и узнал, что там практически единственная достопримечательность — аллея, вдоль которой расставлены бюсты всех президентов США. Ее дополняют новыми головами раз в четыре или восемь лет.

Пока Бритни о чем-то разговаривала с отцом, ее мама принесла пюре с курицей. Стандартная еда для всех стран. Но сперва они решили представиться: Джеймс и Джордана. Я и мама тоже назвали свои имена. Ожидаемой мной молитвы не состоялось, и мы приступили к трапезе. От вина мама вежливо отказалась, а я решил, что раз уж начинается новая жизнь, то пускай она будет максимально новая, поэтому с улыбкой сказал: «Да, пожалуйста».

После нескольких бокалов, когда прошло уже около часа, мама заметила, что нам пора, устали с дороги, и уже на пороге Бритни предложила мне посмотреть ее комнату. Я согласился, а мама пошла домой.

Комната Бритни была на втором этаже, окна выходили в мой двор. Она что-то рассказывала, но скорее самой себе: я все равно ничего не понимал.

Стены были увешаны постерами разных фильмов, в том числе «Короля шаманов», на него я главным образом и обратил внимание. Бритни, заметив это, начала напевать мелодию из этого мультсериала на английском, а я подхватил на русском. Получилось забавно.

Посадив меня на свою кровать, Бритни что-то рассказывала — по-видимому, про школу, город, преподавателей. Сообразив, что я почти ничего не могу уловить, она закатила глаза и впиалась мне в губы, обхватив мою голову руками.

Когда я представлял себе мой первый поцелуй, это было ночью, на улице и непременно под дождем. Мы с Овсянкой возвращаемся с прогулки, но вдруг ударяет молния, начинается жуткий ливень, наша одежда промокает насквозь за считанные секунды. Рядом оказывается скамейка под деревом, которое берет на себя основной удар стихии. Овсянка предлагает сесть. Дальше в дело вступаю я: «Ночь, дождь... Мне кажется, это идеальный момент для первого поцелуя». Она смотрит на меня влюбленными глазами...

А сейчас день, комната, и это определенно не Овсянка, но что-то мешает мне ее оттолкнуть. Хотя «нет» является единственным верным решением, я не стал останавливаться

и дальше. Как же приятны ее губы на вкус, и оставшийся на них отличный соус к курице доводит момент до экстаза...

Опомнился я только минут через двадцать, покидая ее комнату. Тело дрожало, и мне опять захотелось плакать. Хотя я не мог понять, почему это все произошло.

Незаметно для себя я оказался в своей новой комнате, и вид медальона на стене стал последней каплей. Губы тряслись, и хотелось вымыть рот с мылом — нет, полностью отмыться от всего. Стереть себя с лица земли. Трясущимися руками я попытался вытереть губы, но стало только хуже.

Мир меняется, но я никогда не изменюсь. Я хочу к Еве, к моей Овсяночке, но теперь мне не хватит совести показаться ей на глаза. Я лишний в этой стране. Евушка, прости, я всегда буду любить тебя.

В ванную я не пошел, чтобы не вызвать у мамы лишних вопросов, но, немного успокоившись, сказал, что устал и посплю в тишине. На самом деле это был даже не обман — уснуть я смог, а проснулся, только когда пришла репетитор. Конечно, в первый день надо было браться за все сразу. Я уже думал, что он никогда не закончится.

Утром в голове прояснилось, и я проснулся с мыслью, что до октября на улице не появлюсь и, надеюсь, больше никого не увижу. Однако к нам в гости пришла Бритни с родителями. Они пригласили нас вечером на барбекю, а Бритни попросилась ко мне в комнату, где я как раз и находился, прислушиваясь к их разговору. Случившееся вчера как-то встало на место в моей голове, и я уже придумывал, что ей сказать.

— Привет! — воскликнула она, войдя.

— Привет, — ответил я.

В этот раз обошлось без объятий.

— Ну, как ты? — спросила она.

— Неплохо. Я хочу поговорить с тобой о вчерашнем дне, — с места в карьер начал я.

— Ты про книги? Уже начал читать?

— Нет. Нет. — Я не понял, шутит она или нет.

— А про что? — решила она уточнить.

— Ты знаешь. Вчера, в твоей комнате, — сам не понимаю, зачем я об этом заговорил.

— А, про это. Неплохо получилось, — немного обескуражила она меня своим ответом, если я его правильно понял.

— После вчерашнего мы должны пожениться, — сказал я так серьезно, как только мог.

— Что?! — Она громко расхохоталась и даже завалилась на кровать, где мы сидели. — Ты шутишь?

— Нет. Не знаю, — смутился я.

— Слушай. Ты мне понравился. Ну, ты красивый. Это было один раз. Больше никогда.

— Я не понимаю, — ответил я.

— Хорошо... — Дальше она будто нарочно стала говорить быстро и употребляя непонятные слова.

— Я тебя понял, — прервал я ее и сказал, намекая, что ей пора: — Мне надо учить.

— Хорошо, увидимся позже, — ответила она и ушла, послав мне на прощание воздушный поцелуй.

Я сидел неподвижно. Руки чесались разбить вдребезги все, что было в комнате, но я не давал себе воли. Это наверняка будет странный год. Как просто она ко всему относится, я так не могу. Мы с ней разные люди.

Вечером к соседям пошла только мама, а я всем своим видом показывал, что у меня болит живот.

Я взялся читать детские книжки Брит, но в голове было совсем другое. Как такое могло произойти? Мне просто надо успокоиться.

Успокоиться не получилось, и всю неделю я просидел дома, изучая книжки Бритни, и только один раз покинул пределы своей обители, чтобы отправиться с мамой в магазин.

Бритни больше не заходила, но чем больше я читал, тем сильнее приближал неизбежное. Чтение детских книг мне действительно помогло, и я смог осилить журнал на английском. Воспринимать язык на слух по-прежнему было тяжело, а говорить — тем более. Репетитор старалась изо всех сил, но добиться от нас с мамой желаемых результатов у нее пока не получалось.

Спустя неделю я собрал волю в кулак, взял книжки и пошел к Бритни. Постучав, я надеялся увидеть ее маму или папу, но дверь открыла она сама, как всегда, широко улыбаясь.

— О, привет! Давно тебя не видела. Пошли ко мне в комнату, — предложила она опять.

— Нет, спасибо, много ступенек, боюсь, не дойду, — примерно это я сказал, попытавшись блеснуть новыми знаниями.

— Куда ты меня послал? — с каменным лицом спросила она.

— Что? Нет! — испугался я.

— Шутка, — пояснила она по-прежнему без улыбки. — Ты все правильно сказал.

— Не смешно, — ответил я, и она опять заулыбалась.

— Книжки принес?

— Ага.

— Мне они, в общем, не нужны, оставь себе. Перечитай еще несколько раз, — быстро сказала она.

— Помедленнее, пожалуйста, — попросил я.

— Хорошо. Постараюсь. Что делать будешь?

— Думать, — не соврал я.

— Ты философ?

— Нет, просто есть над чем подумать, — попытался я намекнуть на произошедшее.

— Странно. У меня сегодня вечеринка, приходи, если хочешь, — предложила она.

— Я подумаю. — Я улыбнулся и пошел к себе.

Подумав, я остался дома. Бритни пугает меня. Случившееся между нами для нее обыденность. Она поступила со мной, как с мусором. Как мужчины поступают с женщинами.

Это неправильно. Это не круто. Но виновата не только она. Я же не удержался, и не надо думать, что плохие другие, когда проблема в тебе. Во мне самом. Вся эта ситуация подпортила мое пребывание в этой стране и грандиозные планы на Америку.

Если бы не Ева, сидевшая сейчас неизвестно где и непонятно в каких условиях, наверно, вся эта возня с Брит не вогнала бы меня в депрессию, а подарила массу новых впечатлений, открыла бы дорогу в другой мир.

Октябрь наступил незаметно, и начался мой первый учебный день. В сентябре я активно осваивал язык, так нигде, кроме магазинов, и не побывав. Соседская семья стала здесь нашими единственными друзьями, с Бритни образовалась натянутая дружба, и мы больше не оставались наедине.

Мне повезло, что в местном колледже была та же специальность, по которой я учился дома. Как меня сюда приняли на год и не на первый курс, остается загадкой. Кто-то из персонала быстро показал мне, где туалеты, кабинеты, столовые.

Я заметил, что девушки то и дело бросали в мою сторону косые взгляды. Хотя, скорее всего, это мои фантазии. Я понял, что лицо Евы немного стерлось из памяти, и это меня напугало, ведь, возможно, впереди не год разлуки, а целая жизнь и потерять ее образ, даже если он только в голове, было бы очень и очень неприятно.

— Ты, оказывается, со мной учишься, — сказала подошедшая ко мне Бритни, пока я пытался разобраться в расписании, вывешенном в коридоре.

— Что? Как ты? Что ты тут делаешь? — удивился я.

— Я-то уже второй год здесь учусь. А вот увидеть тут тебя было неожиданно.

— Я разве не говорил, что поступил в этот колледж?

— Возможно. Просто я сейчас шла по коридору и услышала, как все обсуждают новенького красавчика. Не думала, что речь о тебе. Впрочем, ничего удивительного. Могу им прорекламировать твои способности.

— Нет. Мне тебя хватило.

— Хватит уже плакать. Что плохого было в той комнате? — громко сказала она.

— Давай после уроков я попытаюсь тебе объяснить, — попробовал я ее утихомирить.

— Нет. Ты просто скажи сейчас, я была настолько плоха? — снова громко сказала она, чтобы привлечь внимание.

— Нет. Просто отстань, — зашипел я.

Она положила руку на мое плечо и сблизилась наши головы.

— Я пытаюсь тебе рекламу сделать. Не будь дураком, — прошептала она.

— Ты сумасшедшая! — сорвался я, оттолкнул ее и добавил потише: — Отвали!

В ответ Бритни дала мне пощечину, развернулась и убежала по коридору. Почему нельзя провалиться сквозь землю? Почему природой не предусмотрена такая возможность?

— Меня Люси зовут, — услышал я голос слева.

Он принадлежал невысокой блондинке в юбке и аккуратной светлой блузке.

— Я Алекс, — ответил я, пытаясь отстраниться.

Неужели этот способ знакомиться, родившийся в голове сумасшедшей Бритни, работает? Если это так, я боюсь не только ее, а всю страну.

— Ты тот иностранец новенький?

— Думаю, да.

— Ты, наверно, недавно у нас? Хочешь, я покажу тебе город?

— Нет, спасибо, — повторил я свою коронную фразу.

В ответ Люси взяла мою левую руку и написала на ней свой номер телефона.

— Ты все же подумай, прежде чем отказываться. У меня уроки в три заканчиваются, — сказала она напоследок и удалилась.

Может, я чего-то не понимаю, но, пока я не очутился наконец в нужном кабинете, на правой руке у меня добавилась Кэрол, а в кармане появилась бумажка с именем Анастасия, отчего я даже рассмеялся.

Моих познаний в английском оказалось очень мало, и за первые две пары я даже не понял название предмета. Любезная Сара, севшая рядом, решила помочь мне с адаптацией в американском учебном заведении и сказала, что вечером придет ко мне домой, чтобы позаниматься. Это было уже даже не смешно, и, может быть, поэтому я согласился, поймав улыбку Бритни, сидевшей на две парты впереди.

Непонятные мне занятия пролетели быстро: мозг был занят совсем другим. Неразборчивые слова из уст преподавателей, разговоры новых одноклассников, шутки Бритни на переменах... А я хотел домой, где меня не будет целый год. В объятия Овсянки.

Толчок Сары привел меня в чувство.

— На сегодня все, ты еще здесь? — спросила она, и я заметил, что все собирают вещи и выходят из кабинета.

— Да. Я просто... Просто не понимаю.

— Поехали, я довезу тебя до дома. Там и сделаем это.

— Что?! — напрягся я.

— Попробую тебя научить. — Она показала мне учебник.

— Хорошо. У тебя есть машина? — задал я очень логичный вопрос, учитывая, что в фильмах про Америку машины есть у всех.

— Конечно. Адрес свой помнишь?

— Конечно.

Это оказалась не просто машина, а огромный черный джип. Плохо, что я не разбираюсь в марках, но ее внешний вид явно должен был указывать на статус владельца. Не без волнения я сел на пассажирское сиденье и решил незаметно получше разглядеть водителя, но Сара ничем не выделялась из остальной массы студентов. Одета как все, никаких украшений, выглядит ухоженной, но то же самое можно сказать о каждой второй девушке из тех, что мне сегодня встретились. Салон автомобиля был идеально чистый и ничем не отличался от всех других.

Через десять минут мы были у моего дома.

— Я заеду позже или начнем прямо сейчас?

— Раньше начнем, раньше закончим.

Из ее объяснений я не только сначала ничего не понял, но и через несколько часов упорных занятий. Однако голос у нее приятный, и, когда она говорит, что-то будто щекочет мозг — от этого так расслабляешься, что понимать уже ничего и не хочется.

— Скоро освоишься, — пообещала она, закрыв учебник.

— Не уверен, — ответил я, поднявшись с пола, где и проходило обучение.

— Я вообще-то про школу, про город. Ты сегодня странно себя вел. Уже успел с Бритни поконфликтовать.

— Я не...

— Да, она красивая, но ты заслуживаешь большего. — Она тоже встала и взяла мои руки в свои.

— Я не...

— Завтра могу опять заехать.

— Зачем?

— Ну, сегодня я попыталась объяснить тебе только сегодняшнюю тему, завтра будет новая.

— Плохо. Очень плохо.

— Ладно, отдыхай, завтра поговорим. Хотя, наверно, тебе не до отдыха, у тебя еще много домашней работы.

— Какой работы?

— Нам задали несколько самостоятельных работ. Ты же был на уроке.

— Я надеялся, что это сон. Не хочешь еще ненадолго задержаться?

— У нас разные варианты, но я тебе все объяснила, думаю, разберешься. Пока. — И она вышла из комнаты, махнув рукой.

«Пока», — подумал я. Все очень, очень плохо. Сегодня я не понял абсолютно ничего. Может, преподаватель сделает скидку на то, что я иностранец.

Следующий день. Кабинет директора.

— Тебе не будет никаких поблажек. Ты ничем не отличаешься от остальных студентов. Если не справляешься, попроси помощи у других, — темнокожий директор среднего возраста говорил это спокойно, повышая голос в конце каждого слова.

— Простите. Это был первый учебный день, я еще язык нельзя сказать, что выучил.

— Первый день, а ты уже сидишь в моем кабинете. У нас не принято не выполнять домашнюю работу.

— Я буду знать. Больше такого не повторится, — промямлил я.

— Что? Куда ты меня послал? — привстал со своего места директор.

— Нет. Нет, нет! — испугался я. — Я не... Я не... — У меня началась паника, я подавился слюной и стал откашливаться.

Директор похлопал меня по спине и дал стакан воды.

— Пошутил я. Пошутил. Просто постарайся на первое место поставить учебу, а не девушек.

— Хорошо. Спасибо, я постараюсь, — еле выговорил я.

— Не старайся, делай.

Я вернулся на урок, моя соседка мне улыбнулась, я ей тоже. Надо налаживать с ней контакт, она моя единственная надежда.

— Хорошо выглядишь сегодня, — прошептал я.

— Я знаю, — улыбнулась Сара.

— Может, сходим куда-нибудь после уроков?

— Я бы на твоём месте взялась за учебники.

— Успею ещё.

— Ладно, можем погулять.

— Договорились.

Надежда умирает последней.

Бесконечный день подошел к концу, и, к моей радости, Сара, прекрасная Сара, отвезла меня в центр Роджа, где мы вместе, с мороженым в руках, отправились бороздить просторы этого, как оказалось, чудесного города.

Впечатляющая Аллея Президентов простиралась вдаль, притягивая взоры туристов. Вообще-то это совсем не туристический город, и если люди сюда попадают, то только случайно, проездом. Я под сильным впечатлением разглядывал все эти бронзовые бюсты тщательно воссозданных президентов. Мой восторг заметили четверо парней лет по пятнадцати и, смеясь, стали меня изображать. Я растерялся, но один из них крикнул, чтоб я расслабился, и они пошли дальше.

— Это Кенни, мой сосед, и его друзья, не обращай внимания, — сказала Сара, и мы продолжили прогулку по скверу.

Закончив экскурсию на последнем президенте, я увидел мой любимый ресторан, с жареной курицей из Кентукки. Мир вокруг на некоторое время перестал существовать, и на всей земле остались только мы: я и курочка. Уже ничто не могло испортить мне настроение. Ну, почти.

— Теперь пора по домам и делать уроки, — выдала Сара, аккуратно поедая картошку фри по одной штучке.

— Я надеялся, что этот момент не настанет, — сказал я, обглаживая очередное острое крылышко.

— Все хорошее когда-нибудь кончается. — Сара отряхнула руки и обтерла их о штаны.

— Может, не в этот раз?

— Ты мне нравишься, но давай дождемся выходных, а там посмотрим, что будет.

— В каком смысле? — чуть не подавился я.

— Ну, знаешь, погуляем еще, может, еще чем займемся, — сказала Сара, намекая, наверно, на поход в кинотеатр, но, к сожалению, я еще не был готов смотреть фильмы на чужом языке.

— Ладно. А сегодня ты мне не поможешь с уроками?

— Сегодня была простая тема. Ты и сам справишься.

— Не уверен.

— Если я тебе каждый раз буду помогать, ты ничему не научишься.

— Пожалуйста, — неуверенно попросил я.

— Нет! — строго ответила она.

На этом наша идиллия завершилась. Сара довезла меня до дома. Я в недоумении сел на кровать и уставился в пол. Судя по всему, это конец. Завтра последует беседа с директором, меня отчислят, мама убьет, и — прощай, моя американская мечта. Где же ты, моя Овсяночка, когда ты так мне нужна?

Попытавшись понять хоть что-то из учебника по сегодняшней теме и осознав тщетность своих попыток, я лег спать. На улице было еще светло, мама пока не вернулась с работы, и я попытался отчистить разум от всего происходящего с помощью сна.

Но это была иллюзия. Я погрузился в очередной кошмар, в котором надо было бежать, бесцельно бежать куда-то и, постоянно падая, достичь неведомой точки, которая становилась все дальше и дальше, а я упускал лучший шанс в своей жизни. Огромное множество моих ровесников может только мечтать о том, чтобы попасть сюда, на эту самую кровать, в эту страну возможностей, а я просто бегу во сне. Убегаю от возможностей, от мечты, от подарка, которого больше не будет.

Возможно, через много лет я буду точно так же лежать где-то в другом месте, закрыв глаза, вспомню этот день, эту минуту, и мне станет противно от того, кем я был. Ева спросит меня, почему я не сплю, и что я ей отвечу? А будет ли вообще Ева рядом? А будет ли кто угодно рядом со мной? И главное — буду ли я?

Подумав во сне, что надо что-то менять, я подпрыгнул на кровати и открыл глаза. Через секунду раздался гром будильника. Мама уже приготовила завтрак — овсянку, что заставило меня улыбнуться, но боль где-то под ребрами не утихала. Мама, спросив, все ли у меня хорошо, и получив ответ о том, как тяжело дается учеба, пожелала мне удачи и отправилась на работу.

Через несколько минут я услышал сигнал машины и, выглянув в окно, увидел Сару. Она торопливо подошла к двери и постучала. Сильно удивившись, я вышел ей навстречу.

— Вот, решила тебя подвезти, — застенчиво сказала она, переступив порог.

— Спасибо, рад тебя видеть. Проходи, я сейчас соберусь и поедем.

— У нас есть еще время, — сказала она мне вслед.

— Значит, мне не торопиться? Кофе будешь? — показал я на кофемашину.

— Ты точно не американец. — Сара подошла ко мне вплотную. — Это мне и нравится.

Обхватив мою голову, она прилипла к моим губам, протискивая язык к glandам.

Растерянность быстро покинула меня: Бритни научила, что надо делать в таких ситуациях, и образ Овсянки, всегда витавший поблизости, окончательно растворился. Ее больше нет. Наша связь прервана. Я прервал ее. Сара скинула оставшуюся овсянку с обеденного стола прямо на пол и забралась на него.

После душа Сара пошла в машину, дав Алексу несколько минут на сборы. Увидев в ванной ее трусы, он, слегка улыбаясь, отнес их в свою комнату и положил под подушку. Закинул учебники в портфель, надел первое, что попало под руку, и вышел из комнаты, бросив взгляд на вырезку из газеты. «Надо потом снять», — подумал он и отправился в колледж.

Выйдя из машины, влюбленные отправились на уроки, держась за руки. Кто-то шептался, кто-то не обращал на них никакого внимания, но один парень был явно раздосадован. Он подбежал к ним и, оттолкнув Алекса от Сары, тыча пальцем ему в грудь, начал что-то кричать. Алекс понял далеко не все, но уловил суть: этот парень имеет виды на Сару и его не радует факт их вчерашней прогулки и то, что сегодня они приехали вместе. Парень толкнул Алекса так, что тот оказался на земле, но через мгновение поднялся, и тут последовало то, чего не мог ожидать даже сам Алекс, — он ударил обидчика кулаком в лицо. Кисти было очень больно, но Алекс ударил снова. Парень споткнулся, сделав шаг назад, и упал на спину, а Алекс оказался сверху и начал наносить удары один за другим. Для него это был не просто парень, а все его проблемы, все плохое, что с ним случалось за всю его жизнь. Удар за уроки, удар за директора, удар за ту девушку, оставшуюся где-то во тьме, удар за тот случай с бассейном — и тут пришло время удара за себя, за главного, единственного виновника всех бед, и Алекс остановился. Он стал подниматься с того, кто безуспешно пытался закрыть руками голову. Алекс увидел толпу вокруг и через мгновение ощутил удар в висок.

Жизнь движется по кругу, и все всегда повторяется. Алекс опять в том лесу, те же удары, по тем же местам. Где-то вдали послышалось: «Она не дышит», но реальность это или призраки прошлого вновь настигли его?

Светлая палата, но ему темно. На улице жара, но ему холодно. Людям в мире хорошо и легко, а ему больно. На природе все вдыхают воздух полной грудью, а ему больно дышать. Сверстники гуляют, веселятся, а он не может пошевелиться от боли. Все вокруг слушают музыку, смотрят сериалы, а он слышит только пульсирующую кровь и всхлипывания мамы, сидящей рядом на стуле. Сегодня он не проснется, просто нет никакого желания. Он хочет перестать дышать, исчезнуть, никогда больше не существовать. Проще сказать: он больше ничего не хочет. Что хорошего в этой жизни? Для чего вообще кто-то живет? Зачем люди рождаются? Какой в этом смысл? Все очень просто — нет никакого смысла, только инстинкты, заложенные природой, Создателем, экспериментирующим над своими творениями.

Ладно, этот мальчик во многом сам виноват, но люди в Африке, в Азии? У одних нет даже воды, на протяжении веков идет бесконечная война, делающая бессмысленным рождение новых поколений. У других жуткое перенаселение и нехватка ресурсов для нормальной жизни даже одного процента граждан. И кто ответит, зачем они родились? Проблему вымирания животных лучше и вовсе не затрагивать.

Никто точно не знает, как появились люди, но кто-то или что-то должно за это ответить. Если же Земля — это просто ошибка, то ошибки надо исправлять, а не бросать людей на произвол судьбы, доводя их до самоуничтожения. А если это злая шутка, то у шутника нет чувства юмора, да в таких случаях лучше и не шутить вовсе.

Спустя месяц очередного бесцельно живущего мальчика выписали из больницы, вместе с тем выписав его и из колледжа. Его мама, пожертвовав карьерой, уволилась с любимой работы, и они исчезли из страны. Теперь об этом кусочке жизни, в корне изменившем как минимум судьбу одной семьи, останутся только воспоминания. Бритни в течение года несколько раз, тихо улыбнувшись, подумает о необычном иностранце, а Сара и через годы вскользь упомянет о своем первом парне. Двоюродный брат Сары, который так любит свою младшую сестру, уже никогда не станет футболистом, как мечтал. А девушка-врач Хейли, смеявшаяся над акцентом избитого пациента, уже через несколько дней и не вспомнит о нем, погрузившись в работу.

Еще один бессмысленный этап бессмысленной жизни пройден.

Оказавшись в своей старой доброй комнате, он вдохнул ее запах, неопиcуемый запах, который невозможно спутать ни с чем, запах своего дома.

На его глазах выступили слезы, но, не желая показывать слабость перед мамой, он побежал под душ. Его начало тошнить и тошнило, пока не вышло все. С зеленым лицом, сидя под струями воды, он расплакался. Все слезы выплакать не получится, но он старался доказать обратное. Он стал тереть себя мочалкой, но грязь не смывалась, она давно уже под кожей, и оттуда ее не достать.

Огонь под дождем

Дверь закрылась. Он ушел, и остались только его исчезающий запах и огромное желание открыть дверь, схватить его в объятия и никогда больше не отпускать. «Вернись, пожалуйста», — раздался еле уловимый шепот, но тишина дала понять, что он не вернется.

Нет, не так должно было все закончиться. Ева не заслужила такого завершения этой истории, и завтра в полдень, на том самом месте, где познакомились, они во всем разберутся. Только они и могут это сделать. Им никто больше не нужен, конечно, если завтра он придет, в чем нет никакой уверенности. Башня их отношений, тщательно выстраиваемая все эти дни, начала разваливаться, а теперь, возможно, и вовсе разрушилась. «Вернись, — снова просила Овсянка, прислонившись к двери лицом. — Ты должен вернуться».

— Ева! — раздался крик с кухни. — Он уже ушел?!

— Ушел, — прошептала она в ответ, смахнув слезу со щеки.

— Ева! — повторился крик.

— Лучше бы ты не приходил, — ответила она двери все так же тихо, даже не понимая, кому адресованы эти слова — отцу или парню, имени которого она не знает.

— Я не слышу! Если он ушел, иди сюда!

— А я, к сожалению, тебя слышу! — крикнула Овсянка.

— Что?! — Он то ли переспросил, то ли разозлился.

— А ты настолько разжирел, что сам подойти уже не можешь? — сказала она своим обычным голосом и развернулась в сторону кухни.

— Могу. — Отец оказался в метре от нее. — Но сидя проще обсудить...

— Мое поведение?

— И его тоже. Поэтому пошли, сядем поговорим, пока я не взял палку и не сломал тебе позвоночник.

— Ладно, — смирилась Ева.

— В комнате Эммы стоит ящик с бутылками, от которого сильно пахнет бензином, — спокойно сказал отец, сев с дочками за кухонный стол.

— Так надо было, — огрызнулась Ева.

— Ты совсем отбилась от рук. Я уже не знаю, как тебя воспитывать.

— Меня не надо воспитывать.

— Ну да, ты же взрослая уже. Почти семнадцать лет. До восемнадцати ты официально сидишь на нашей шее и считаешься ребенком. Поэтому тебя еще надо воспитывать.

— В лагере тебе должны помочь, — вдруг сказала Эмма. — Пойми, никто не желает тебе зла, кроме тебя самой.

Всю ночь она смотрела в потолок. Сон даже не заходил проведать. Не решился узнать, как прошел день. Просто проигнорировал эту ночь, занимался где-то своими делами, может, заблудился или побоялся приходить, предвидя ужасные сновидения, от которых каждый раз становится не по себе. Вот и решил сказать твердое «нет» и оставить ее одну. И он тоже.

Пустоту в душе уже ничто не сможет заполнить. Она только-только сумела вновь привязаться, полюбить, как все связи разрываются. Лагерь в ее воображении выглядел не иначе как тюрьма строгого режима без права амнистии. Слава небесам, это продлится только до конца лета, но возвращаться сюда, к этим людям, — еще хуже.

За окном выключились фонари, и теперь уже не было видно абсолютно ничего. Удивительное ощущение. Она даже не знала, что бывает так темно. Только крики дерущихся алкашей под окнами и отдаленный храп отца напоминали, что она еще жива, что она все еще в реальности. От этого становилось еще хуже.

Почему на Землю не может упасть метеорит, который сотрет все проблемы, все горести, страдания, боль, унижения и несправедливость?!

Когда Ева в первый раз попыталась устроить свой, локальный, конец света, который должен был унести всего одну жизнь, забрав при этом не одну проблему, люстра не выдержала каких-то сорок килограммов и оборвалась. Во второй раз от большого количества таблеток ее сразу вырвало. А лезвий она всегда боялась и так и не решилась переступить через свой страх. Может, пора пройти по второму кругу? Нет. Не сегодня. Осталось всего восемь часов до встречи с единственным, ради которого стоит жить. В прошлый раз, когда она привязывалась к человеку так сильно, все закончилось очень плохо, а теперь, если с ним что-то случится, ее жизнь уже ничто не спасет.

Рассвет всегда приходит невзначай. Ночное спокойствие начинают нарушать солнечные лучи, где-то далеко слышны проезжающие машины, храп прекращается, алкаши ложатся спать, мухи радостно кружат. Набухший мочевой пузырь сражается с нежеланием видеть людей, отделенных от нее стеной, и в конечном итоге побеждает.

Вспотевшая ладонь ложится на ручку двери, ведущей в коридор, — и вот он, ненавистный мир.

Туалет, совмещенный с ванной, был заперт изнутри.

— Мне надо, — постучалась Ева.

— Подожди минут десять, — ответила Эмма, убавив струю воды.

— Если бы я могла подождать, я бы не просила тебя освободить туалет. Ты тут не одна живешь.

— Не кричи на сестру, — раздался отцовский голос с кухни.

— Ладно, Ева, можешь войти, если приспичило, — предложили из-за двери.

— Мы не настолько близки, — пробормотала Ева.

— Что?

— Я ведь войду.

— Я это и предлагаю.

— Ну, выбора нет.

Дверь оказалась открыта. Эмма за занавеской принимает душ, а белый трон так и манит к себе нежным свечением и нашептывает сладкие речи.

Девушки на самом деле не были близки настолько, чтобы делить одну ванную на двоих. Они даже в обычной комнате вместе подолгу не находились. Сестры они только по паспорту, а на деле абсолютно чужие люди, которых ничто не связывает. Хотя Ева и донашивала некоторые вещи за Эммой, это явно не помогало им сблизиться.

Расслабиться на волшебном белом изобретении — не такая простая задача, когда рядом кто-то есть, поэтому процесс занял несколько больше времени, чем планировалось. Эмме даже пришлось поинтересоваться, все ли хорошо, на что она услышала вежливую просьбу заткнуться и не открывать рот, пока не попросят. Отсутствие сна не помогает в коммуникациях с другими людьми.

Закончив, Ева вернулась в свою комнату в надежде, что полдень настанет как можно скорее.

Она продолжила ночное лежание, не отрывая взгляда от точки на потолке, но эту идиллию прервал вошедший в комнату отец.

— Собирайся, поедem оформлять документы для лагеря, — строго сказал он.

— Что? У меня дела, — приподнялась Ева.

— Я вижу, интересное занятие. Минут через пятнадцать выходим.

— Нет. У меня встреча. Я не могу поехать!

— Потом встретишься со своим будущим уголовником.

— Ты д... — Она вовремя одернула себя. — Ты о чем вообще?

— Неспроста вы избитые и с целым ящиком коктейлей Молотова. Они, кстати, не так просто готовятся.

— Он-то тут при чем?

— Хватит кричать, умойся, переоденься, и поехали.

— Не буду!

— Хорошо, поедешь в трусах и ночной футболке.

— Ладно.

— Ладно. — Он хлопнул дверью.

Взгляд Евы устремился на люстру, а затем пробежался по комнате в поисках веревки, но она ударила себя по щеке, надела джинсы, переодела футболку и побежала к входной двери. Ключа в замке не оказалось, и она хотела ринуться за своим, но подошел отец.

— Уже собралась, хорошо. Могла бы и под душ сходить, от тебя потом воняет.

— Можно я на секунду к сестре зайду? — смиренно выдохнула она.

— К сестре можно.

Ева сама вдруг почувствовала свой запах, было бы неудобно при встрече с Бамбуком.

В комнате Эммы все еще пахло бензином, вонь не выветривалась даже с настежь открытым окном.

— Эмма, мне нужна твоя помощь как сестры.

— Как кого? — удивилась та.

— Сходи в двенадцать часов в одно место, тут недалеко, попроси Бам... моего парня, чтобы он ждал меня там же, только в семь вечера.

— Даже «пожалуйста» не скажешь?

— Пожалуйста, — выдавила Ева.

— А если Бам... твой парень не придет?

— Тогда... — Ева замялась и прошептала: — Я не знаю.

— Ладно, схожу.

С некоторым облегчением Ева подошла к отцу, давая понять, что готова ехать, куда он скажет.

Она смиренно расписалась в предложенной бумажке, на которой смогла разглядеть только дату начала ссылки. Вспомнив, какое сегодня число, и осознав, что осталось всего два дня, она сперва бросила взгляд на приоткрытое окно, потом заметила канцелярский нож за приоткрытой дверцей шкафчика, до которого был всего один рывок.

Зажмурив глаза и сморщив нос, Ева сжала в правой руке ручку, а левой подтолкнула листок девушке напротив и произнесла: «Как скоро, даже собраться не успею». Ответ, что с собой ничего брать не нужно, выбил ее из колеи, и она не смогла вымолвить больше ни слова даже дома, когда сестра сказала, что в назначенное место и время никто не пришел.

Ни слова она не сказала и при посадке в поезд.

В одном купе с ней оказались еще две девочки, следующие туда же, и девушка постарше азиатской внешности, вечно куда-то отходявшая.

Поезд тронулся, первой начать диалог решила девушка, сидевшая напротив, у окна.

— А тебя за что? — поинтересовалась она у Евы.

— В смысле?

— Ты ограбила кого или что?

— Нет. А должна была?

— В этот лагерь не просто так отправляют.

Ева стала незаметно разглядывать попутчицу и смогла отметить разве что шрам возле уголка рта справа и короткую стрижку.

— Не те рассказы ты слышала про «Чистоту», — влезла в разговор девушка с азиатской внешностью, вошедшая в купе в который раз.

— А ты что слышала? Просвети.

— В этом лагере помогают запутавшимся, и это просто хороший способ отдохнуть от остального мира.

— Хрень какая-то, — ответила Шрам.

— Согласна, — неожиданно подключилась еще одна девочка, симпатичная блондинка с длинными волосами и чистым лицом.

— Судя по возрасту, ты уже не первый раз туда направляешься. Значит, не помогает? — заметила Шрам.

— Я работаю в «Чистоте», второй год.

— Тогда что ты забыла с нами смертными в одном купе?

— Моя задача — сопровождать вас всех до лагеря.

— Одной?

— Нет, в этом вагоне, с девочками, нас трое, и в другом, с мальчиками, — еще трое взрослых.

— Так нас целых два вагона? — удивилась Ева.

— Еще столько же приехали вчера.

— А что будет в этом «Чистилище»? — спросила блондинка.

— В «Чистоте». Ну, по сути, это обычный лагерь, никакой особой разницы.

— Я никогда не была в лагерях, — сказала Ева.

— Я тоже, — поддержала блондинка.

— Я несколько раз была. Ничего хорошего, — поделилась Шрам.

— Надеюсь, в «Чистоте» вам понравится, — сказала надзирательница и снова вышла.

Большую часть двадцатичасовой поездки Шрам рассказывала разные истории, которые Ева пропускала мимо ушей, думая только о безысходности происходящего.

По приезде на нужную станцию всех распределили по автобусам и отправили уже в саму «Чистоту». Удивительно, но Ева даже не знала названия лагеря, пока не услышала его в поезде. Оно вполне соответствовало состоянию души при отправке сюда, хотя слово «пустота» подошло бы еще лучше.

Минуя бесконечные дороги, перекрестки, пустоши, автобус свернул в лес. Еве повезло, что она не очень любила фильмы ужасов, иначе фантазия могла бы сыграть с ней злую шутку.

Вскоре между деревьев стал мелькать забор с колючей проволокой, дававшей понять, что это место для счастливых людей, хотя, возможно, здесь просто боялись воров. Но какие воры смогут забраться так глубоко?

Ева вышла из автобуса последней, и в глаза ей бросился красный цвет неба. Брат говорил, что это проклятые души, пытаясь прорваться в рай, истекают кровью на небе, а кто видит эту красноту, берет их проклятье на себя. «Дурак», — прошептала она.

— Константин, — протянул ей руку проходивший мимо парень.

Ева бросила на него мимолетный взгляд и отвернулась.

— Ну-ну, — сказал он и пошел дальше.

«Заклученных» разделили на несколько групп и всем дали по надзирателю. В группе Евы им оказалась та самая азиатка из поезда. Она провела девочек по столовой, библиотеке, спортивному залу и камерам — одноэтажному помещению, разделенному на десять больших комнат, на десять человек каждая.

На дверях каждой комнаты были написаны фамилии, так что вновь прибывшие девочки успели разойтись по своим местам до ужина, который должен был наступить через час.

В комнате десять кроватей стояли в два ряда, разделенные тумбочками, также присутствовал стол с тремя стульями — его предназначение еще предстояло выяснить.

Из знакомых лиц здесь была только блондинка, с улыбкой занявшая соседнюю койку.

В каждой тумбочке оказался комплект одежды, которую чуть позже всех попросили надеть. Свободные голубые хлопковые штаны и голубая рубашка с белой полосой, идущей от левого плеча до пупка. «Странный дизайн», — подумали все.

Разговаривать никто не собирался. Не хватало Шрам — она бы разрядила обстановку, но вместо нее в комнату вошла та самая девушка-азиатка и позвала всех на построение.

— Я сейчас слона съем, — сказала одна из сокамерниц Евы.

Ева только сейчас сообразила, что все девушки в комнате примерно одного с ней роста, все стройные, светлые и стесняются одинаково. Наверно, такое распределение к лучшему — во избежание конфликтов.

В столовой было разрешено занять место за любым столом, взяв еду, и Ева сразу заметила свободные стулья возле Шрам. Кинув на поднос вареную картошку с каким-то мясом, она стала пробираться к ней.

— ...и вот тогда я прыгнула на последний гараж, он попал по мне своей палкой, я ее схватила и прыгнула на него, повалила на землю, плюнула в лицо и смогла убежать.

— Обидно пропустить начало истории, — сказала Ева, подсев.

— Разве я тебе ее не рассказывала? — спросила Шрам.

— Я бы запомнила. — Ева улыбнулась.

За столом сидели еще две девушки и тот парень, чье имя уже вылетело у Евы из головы.

— Я видел, с кем ты вошла, похоже, ваша комната — «цветник», — ехидно улыбнулся он.

Ева, проигнорировав этот своеобразный комплемент, принялась за еду.

— Надо будет к вам навеститься как-нибудь ночью, — сказал он, попивая непонятную жидкость из стакана.

Еву его предложение испугало, и она сразу пожалела, что выбрала это место, но Шрам попыталась сгладить впечатление:

— Помню, в моем предыдущем лагере был у нас один вожатый, просто красавец. С первого дня он мне подмигивал, пока однажды не пригласил погулять ночью по территории. Короче, так быстро он еще не бегал, да уже и не побегают. — Она стала дико хохотать, чем привлекла внимание вожатых, которые сделали ей замечание.

Ева, поскорее доев, отправилась прочь из столовой, но та самая азиатка, схватив ее за руку, сказала, что покидать столовую раньше всех запрещено, а наказание — мытье посуды. На справедливое замечание Евы, что она не знала этого правила, был дан ответ, что незнание не освобождает от ответственности.

Все уже вышли из столовой, а Ева, постаравшаяся провалиться сквозь землю, не торопилась приступать к исполнению наказания в ожидании благословения от своей надзирательницы.

— Ева, верно? — спросила та, закончив свои дела.

— Да, верно. Это несправедливо, — сквозь зубы ответила Ева.

— Надо приучаться к порядку. Меня Мила зовут, если интересно.

— Очень интересно.

— Ты что-то недовольная, — улыбнулась Мила.

«Я просто счастлива!» — хотела Ева крикнуть, но сдержалась.

— Знаешь что? — Мила медленно приблизила губы к ее уху, чем испугала Еву, и прошептала: — Я пошутила.

— Что?!

— Пошутила я, — уже нормальным голосом сказала Мила, развернулась и стала отдаляться от недоумевающей Евы, — у нас есть посудомоечные машины, и то этим занимаются повара.

— Какого хрена?! — Ева подскочила. — Это вообще не смешно.

— Мне смешно.

— Да я... я...

— Ну-ну? — начала дразнить ее Мила.

— Я не знаю. — Ева развела руками и закрыла лицо. — Я убью себя! — Схватив со стола нож, она поднесла его к горлу.

Тут испугалась уже Мила:

— Подожди, я просто... Положи нож, пожалуйста. Я не хотела тебя обидеть! — она старалась говорить тихо и четко.

— А что ты хотела?! — крикнула Ева. — Надо думать о последствиях!

— Я хотела на время отлучить тебя от коллектива. Ты мне понравилась, а они тебе не понравились. Я хотела помочь, — пыталась оправдаться Мила, но было уже поздно.

Ева сделала резкий взмах рядом с шеей, откинула нож подальше, схватилась за горло обеими руками, а в следующее мгновение уже была на коленях, заваливаясь вперед. Мила, выйдя из ступора, подбежала к ней и дрожащими руками, ничего не видя из-за слез, перевернула Еву на спину. Неизвестно, что больше ее испугало — произошедшее на ее глазах самоубийство или вопрос Евы: «Думаешь, перебор?»

Мила отпрыгнула и приземлилась на копчик. Ева приподнялась, держась руками за поясницу. Мила дернулась к ней и ударила по лицу, потом еще, пока Ева не увернулась.

— Дура! Идиотка! Ненавижу! — кричала Мила, наверно, напугав поварих в соседнем помещении.

— Что тут у вас происходит? — подбежала одна из них к сидящим на полу растрепанным девушкам.

— Все хорошо, — сразу сказала Ева.

— Не похоже. — Повариха подошла к покрасневшей Миле. — Ты в порядке?

— Да, просто она поскользнулась и сбила меня с ног. Недопонимание возникло. Мы уже уходим, — успокоила ее Мила.

— Не сильно ударились? Может, холодное принести? — не отставала повариха.

— Нет, правда, все хорошо. Ева, у тебя ничего не болит?

— Все отлично, щеку немного печет, но пройдет, я думаю, — с улыбкой сказала Ева, тем самым убедив женщину удалиться.

— Это не смешно, — рявкнула Мила.

— Извини, я же сказала, что переборщила, с кем не бывает.

— Ладно, выйдем на воздух, мне еще надо отойти.

Девушки вышли из столовой. На улице совсем стемнело, а фонари на территории были, кажется, только возле зданий, и даже тропинка между ними не прослеживалась. Ева подумала, что Мила отведет ее в опочивальню, но они направились в другую сторону.

На пустыре стоял фонарь, и, только подойдя ближе, можно было увидеть, что он освещает скамейку. Девушки сели.

— М-да, теперь ведь не уснешь, — сказала Мила, достав из-под скамейки пачку сигарет. — Будешь?

— Нет, не курю.

— Я читала твое досье. Я знаю, по какой причине тут каждый из вас, легко было поверить.

— Здесь все это знают?

— Весь персонал.

— И что там про меня написано?

— Немного. Кратко о твоём психологическом состоянии и проблемах.

— Ты меня прям заинтриговала.

— Мне нельзя об этом говорить.

— Но я же могу знать, что обо мне пишут?

— Нет, не можешь.

— Что мне сделать, чтобы ты сказала?

— Ты уже наделала делов.

— Ладно. Там написано, что я неуравновешенная суицидница?

— Почти. Может, сменим тему?

— Давай.

Тему для разговора не всегда легко подобрать. Мила медленно курила, а Ева разглядывала звездное небо, почти полную луну и вдыхала свежий ночной запах сигаретного дыма.

— Не помню уже, когда в последний раз видела звезды, — сказала она.

— Неудивительно, если ты из города. Но это и вправду красиво.

— Постой, ты сказала, что я тебе понравилась?

— Не в том смысле.

— Нет, ты сказала в том смысле. Прости, конечно, но мне мальчики нравятся.

Надеюсь, второй раз за ночь я тебя не травмирую, — завелась Ева.

— Успокойся ты. Мне показалось, что ты хорошая, добрая. Это место не для тебя.

— То есть? Это же обычный лагерь.

— Обычный, но тут у всех есть проблемы, а тебе лучше общаться с...

— С... с нормальными?

— Неправильное слово, но пускай с нормальными. Ты вот сказала, что тебе мальчики нравятся, толпами, наверно, бегают, так вот с ними тебе лучше и общаться, хотя пользы от них...

— Не совсем толпами, конечно.

— Но хоть один-то на примете есть?

— Есть, хотя уже, наверно, был. Из-за этой тюрьмы я и не узнаю, есть он или не есть.

— Если ты ему нравишься, то он переживет одно лето разлуки. — Она сделала паузу.

— Или ты не переживешь?

— Не бойся, я не хочу себя убивать.

— Я не об этом. Вернее, не только об этом.

— Я не знаю, что такое любовь, но, кажется, это именно то, что я к нему испытываю.

Огромное место в моей голове занимает его образ, в чужих чертах я ищу сходство с ним. Не знаю, трудно объяснить.

— Так что случилось-то между вами?

— Он познакомился с моей семьей.

— И? Не поверю, что все было прям настолько плохо.

— Ну, застали они нас не в самой приятной обстановке.

— А, ясно, прервали самое интересное.

— Нет, ты не знаешь, лучше пускай это останется только со мной.

— Теперь ты меня заинтриговала.

— Может, в другой раз. Хотя спустя время мне это кажется забавным, но тебе как надзирателю лучше этого не знать.

— Я не надзиратель.

— Все равно.

— Ладно, опять сменим тему.

— Необязательно. Просто у меня была мечта — поплавать в бассейне под открытым небом. Если бы еще под ночным — то это мог бы получиться идеальный момент для первого поцелуя.

— Вы с ним даже не целовались?

— Нет.

— Тогда сколько вы встречались?

— Неважно. Достаточно.

— Ясно. А как зовут-то его?

— Все, ладно, давай сменим тему.

— У меня тоже однажды был парень, но потом он меня бросил.

— Почему? Ты слишком хороша для него?

— Нет, он сказал, что заслуживает лучшего. Вообще он, кажется, расистом был, но это все уже неважно.

— Меня не накажут за такое опоздание на ночлег?

— Я отмажу. Не бойсь, — Мила ткнула Еву локтем в плечо.

— Со мной уже столько всего случилось, что, кажется, я уже ничего не боюсь.

— А как же — потерять парня? — с ухмылкой спросила Мила.

— Да, наверно, это единственное. Только он удерживает меня на этой планете.

— А родители? Сестра?

— Про меня в досье вообще ничего не написано?

— Написано про брата, про твои попытки... ну, сама знаешь, — Мила махнула рукой в сторону столовой.

— У меня нет семьи. Есть люди, с которыми мне приходится жить. Точнее существовать. И это не глупые подростковые обиды, а с Бамбуком — не глупая подростковая влюбленность! — крикнула Ева.

— Тише, хорошо, я ничего и не говорю. Ты сказала — Бамбук? Твой парень? — Мила положила руку Еве на плечо.

— Я не сумасшедшая, он не дерево, просто так получилось, что мы называем друг друга прозвищами, — спокойно ответила Ева.

— Хорошо, это нормально. Нетипичное прозвище, но это даже круто.

— Да, круто.

— Знаешь, уже поздно, наверно, надо расходиться.

— Уже? Ладно, хорошо, пошли.

— Сейчас еще одну выкурю, и пойдем. Тебе не холодно?

— Нет, кровь бурлит, знаешь, не получается замерзнуть.

— Может, попробуешь? — Мила протянула сигарету.

— Ты точно вожатая? — улыбнулась Ева, жестом отказавшись от предложения.

— Да, у меня же костюм другого цвета.

— Почему красный?

— Не я дизайнер, не ко мне вопросы, синий приятней.

— Приятней своя, нормальная одежда.

— Ну, выбирать не приходится.

— Знаешь, — Ева резко решила заговорить о другом, — я не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

— Я тоже, — ответила Мила. — Мне приятно с тобой общаться.

— Что будет завтра?

— В смысле?

— Какой распорядок дня?

— Подъем в семь тридцать, зарядка, завтрак, свободное время, медосмотр, обед, тихий час, дальше там — разделение по группам, не помню, что у тебя.

— Звучит не так уж плохо.

— А ты что думала? Лес валить заставят?

— Нет. Даже не знаю.

— Может быть, я постараюсь взять тебя в свои помощники, вроде это не запрещается. Если хочешь, конечно.

— Неожиданно. Да, почему бы и нет.

— Чудно, пошли тогда, я тебя провожу, чтобы вопросов лишних не было. Вообще это твой первый день, могли подумать, что ты сбежала или потерялась.

— Блин. Это плохо.

— Боишься?

— Не совсем — не люблю доставлять проблемы.

Разговоры прервали неожиданные крики из приоткрытого окна одной из спален, к которым они уже успели подойти. Мила побежала в сторону двери, Ева последовала за ней.

Изнутри кто-то дергал ручку и негромко матерился. Мила открыла дверь ключом, и из нее выбежала блондинка, знакомая Евы.

— Ты уже вожатую привела? Отлично! — обрадовалась она, увидев Еву с Милой. — Но одной мало будет, она с этим не справится.

— Да что происходит?! — громко и отчетливо спросила Мила, отодвинула блондинку с дороги и уверенно вошла внутрь.

— Как ты? В порядке? — вопрос к Еве.

— Да. Да, все хорошо. А ты?

— Если бы вас двоих не встретила, было бы намного хуже. Как думаешь, она его не убила?

— Что? — удивилась Ева и поняла, что там что-то серьезное.

— Ну, вообще-то от удара стулом по спине не умирают, хотя в этом случае труп я была бы рада.

— А? — Ева все еще не могла понять, что происходит.

— Ой, прости. — Блондинка обеими руками взяла ее за руку. — Зря я это сказала. Пожалуйста, давай забудем, не говори никому.

— Хорошо Я пойду посмотрю, что там. Побудь пока здесь.

Ева с дрожью в коленях вошла в здание. По коридору были расставлены ночники, не позволявшие увидеть все, что хотелось бы, но в спальнях горел яркий свет, а возле единственной открытой двери толпилось несколько человек. «Кажется, моя комната», — подумала Ева, подойдя ближе и услышав голос Милы.

Протиснувшись сквозь самых любопытных и войдя в комнату, она увидела того самого парня, пообещавшего навестить к ним ночью. Вокруг была кровь, стул валялся рядом, тут же стояли паникующие соседки Евы, спокойная, со скрещенными на груди руками Шрам и растерянная Мила, которая опустилась на колени, пытаясь нащупать пульс.

— Кто-нибудь пошел за врачом? — спросила она, не поворачиваясь, и сразу две девушки выбежали из комнаты.

Медицинский пункт работал круглосуточно, идти до него буквально минуту, но проблема в том, что там почти все врачи — психологи, психиатры.

— Он жив? — Ева присела возле Милы.

— Да, все нормально. Все хорошо. — Мила встала, Ева следом за ней. — Объясните, почему парень в женском корпусе?

— Это я у тебя хотела бы спросить. — Шрам знала, что лучшая защита — нападение. Мила ткнула пальцем в ее сторону:

— С тобой будет отдельный разговор.

— Мы окно не закрыли, он в него и влез, — сказала одна из соседок Евы.

— Знаете зачем? — поинтересовалась Мила.

— Он подошел к моей кровати и начал меня раздевать, — сказала другая соседка, кивая на койку у окна, — я закричала, те, кто уже уснул, проснулись. Он попытался закрыть мне рот ладонью, но прибежала она, — девушка показала на Шрам, — и спасла меня.

— Не люблю таких уродов. Надеюсь, он уже никогда не сможет влезть в окно, — подтвердила свою историю Шрам.

— Может, ты его спровоцировала? — спросила Мила у жертвы.

— Что? Да я его никогда раньше не видела!

— Сегодня за ужином, — встряла в разговор Ева, — он намекал на что-то подобное, но я не придавала этому значения.

— Я думала, нам здесь помогут, а тут все только хуже становится! — закричала жертва со слезами на глазах.

Ее плач поддержали еще несколько девушек, другие начали обнимать их и успокаивать. По Миле было видно, что к такому повороту событий она не была готова и сейчас сильно растеряна и сама вот-вот расплачется.

Вскоре в комнате появилось несколько человек. Двое ринулись к телу, быстро осмотрели его, положили на носилки и вынесли головой вперед. Другие — судя по всему, психологи — начали разговаривать с плачущими, а жертву один из врачей увел с собой.

После суматохи, минут двадцать спустя, некоторых девушек доктора забрали, а остальным Мила велела ложиться. Шрам попыталась возразить, что это небезопасно, и устроить забастовку, но никто ее не поддержал: хотя заснуть теперь не так просто, но остальных девушек все это не коснулось, так что они отправились по местам. Шрам еще пару

раз попыталась надавить на Милу, но Ева, понимая состояние своей новой подруги, за руку вывела ее из здания.

— Интересная первая ночь получается, — сказала она.

— Уже про Баобаб свой забыла? — огрызнулась Мила.

— Я тебя даже не ударю за то, что ты оскорбила моего парня, но ты плохой воспитатель, — не осталась в долгу Ева.

— Пойдем покурим, — предложила Мила и пошла, не дожидаясь согласия.

— А руководству ты не должна ничего сообщить? — крикнула ей вслед Ева.

— Блин. Похоже, я и правда плохой вожатый. Неважный сотрудник. — Мила развернулась в другую сторону. — Пошли.

— Вы все живете в отдельном доме для персонала?

— Да.

— А мне зачем с тобой идти? — спросила Ева, горя желанием пойти с ней.

— Ты же мой помощник.

— Пока еще нет.

— Сейчас им станешь.

— Давай побыстрей, мне, наверно, надо вернуться.

— Поверь, твое отсутствие их точно не волнует.

— Это да.

Внешне все жилые здания не отличались друг от друга и были близко расположены, но не соединены между собой. В каждом были корпуса: Ева жила в первом, сотрудники — в третьем, парни — в четвертом.

Другим вожатым и руководству уже было доложено о произошедшем, поэтому будить их не пришлось. Еву не пустили, несмотря на уговоры Милы, поэтому она отправилась в свой корпус, отказавшись от помощи психологов.

И вот наступило ее первое утро в лагере. Началось оно с обхода комнат вожатой с целью разбудить мирно спящих, привести в чувство тех, кому так и не удалось уснуть, и отправить всех на зарядку, а затем в душ.

Ева проспала всю ночь, но утром вместе с ней проснулось и вечно сопровождавшее ее чувство тревоги. С Бамбуком их это объединяло, и Ева, чувствуя его панику, расставалась со своей, а быть может, это он забирал ее страх, даря спокойствие хотя бы в те редкие часы, когда они были вместе.

Зарядка состояла из обычных упражнений, практикуемых на физкультуре в каждой школе. Ради нее каждому выдали спортивную форму в тех же цветах, только это были короткие шорты и футболка.

После занятий в душ в том же корпусе отправляли по комнатам, поэтому, пока одни мылись, остальные ждали. Им предложили позаниматься на уличных тренажерах, но на это мало кто согласился.

Ева искала знакомое лицо Милы, но этим утром им не довелось встретиться.

Вскоре Ева услышала номер своей комнаты и вместе с остальными, в сопровождении вожатой, отправилась знакомиться с еще одним помещением лагеря.

Их привели в раздевалку и выдали полотенца. Сначала никто не решался разоблачаться, но одна девушка начала, и остальные последовали ее примеру. Ева из любопытства мельком глянула на тела соседок и поймала себя на нездоровом желании увидеть блондинку — и тут оказалось, что ее нигде не было со вчерашнего вечера, когда она осталась ждать возле корпуса.

Ева успокоила себя, что блондинке понадобилась психологическая помощь, поэтому ее нет, и попыталась выяснить у остальных, знают ли они про нее хоть что-то.

— А вы не заметили, что кого-то не хватает? — спросила Ева, обращаясь ко всем.

— Да, Ланы нет, — не сразу ответила одна из девушек.

— Она у психолога? — уточнила Ева.

— Вчера ее там не было, — сказала та же девушка, засмутившись, что сама она была у психолога.

— Странно.

Полезной информации получить не удалось, но Ева узнала имя блондинки, что само по себе неплохо для начала. Ей стали известны имена трех человек в лагере меньше чем за сутки.

Душ представлял собой большое помещение с открытыми кабинками, разделенными перегородками по шее. Ева решила, что могло быть и хуже, поэтому просто расслабилась. Капли, стекавшие по телу, уносили ее к лучшим мирам, к лучшим людям, подальше от этого места.

После ничем не примечательно пресного завтрака, пресного общения с пресными людьми Ева наконец вырвалась от сокамерников и направилась к скамейке в надежде встретить Милу.

Мила сидела одна и нервно курила. Вокруг ни души — об этом месте как будто пока никто не знал.

— Все утро здесь просидела? — Ева села рядом.

— Помнишь блондинку — она еще вчера про этого упыря нам сказала?

— Да, ее Лана зовут.

— Я знаю.

— С ней все хорошо? — напряглась Ева.

— Хотела бы я знать. После вчерашнего она больше нигде не появлялась.

— А вы ее искали?

— Я тебя ударю сейчас. — Мила бросила на Еву жесткий взгляд.

— Тихо, тихо, — Ева испугалась, — просто я подумала, надо поспрашивать у всех, может, знает кто.

— Нельзя панику разводить, это чепэ, и косяк на мне, что очень плохо.

— Думаешь, она могла сбежать?

— Слишком много знать хочешь.

— Ну, я же твоя помощница, — попыталась разрядить обстановку Ева.

— Просто прошедшая ночь могла навеять на нее воспоминания.

— Какие? — не поняла Ева.

— Слушай, не надо нам это обсуждать. Пошли лучше на обход территории, помощница. — Мила поднялась со скамейки, но, спохватившись, повернула к корпусам. — Сперва надо тебя отпросить, а то и тебя потеряют.

На этой прогулке Еву поразили размеры территории, ягодные кусты, фруктовые деревья. Только сейчас она ощутила всеми легкими, что здешним воздухом хочется дышать и дышать.

В кустах что-то зашевелилось. Мила остановила Еву, поднеся указательный палец к губам. Заяц выпрыгнул прямо на девушек, испугался и, перевалившись на бок, дал деру. Они рассмеялись.

— Тут у вас прям живая природа, — не смогла скрыть восхищение Ева.

— Никогда зайцев не видела?

— Вживую — нет.

— Кроме кошек с собаками, вообще животных видела?

— Да есть один вид животных — они орут по ночам, плюют на улицах и в транспорте, гадят где только можно, усложняя жизнь сородичам, но ты спрашивала явно не о них.

— Ну, таких животных полно, — ответила Мила. — Поживешь тут подольше — привыкнешь к природе. Знала бы ты, сколько тут птиц!

— Птиц я люблю.

— А кто же их не любит.

- Те животные, о которых я только что говорила, никого не любят.
- Забудь о них хоть на время, просто забудь. Внешнего мира нет, есть только мы.
- Но среди нас они тоже есть.
- Подобное больше не повторится. С остальными ты уже нашла общий язык?
- Я бы так не сказала.
- Ну, вообще-то вы еще мало времени провели вместе, скоро подружитесь.
- Я даже имен их не знаю и не тянет узнавать.
- Лану же знаешь.
- Сегодня случайно услышала.

Неожиданно они оказались на главной площади, к которой сходились все основные направления в этом лагере. Ева расстроилась, что они уже не одни.

Прогулка по лесу навеяла воспоминания о Бамбуке, ведь еще несколько дней назад они гуляли по лесу вдвоем, Ева была по-настоящему счастлива и ничто не предвещало беды. Впрочем, она сама все испортила, довела свою жизнь до этого лагеря, причинила себе столько боли и разочарования. А что, если это не мир плохой, а Ева сама его портит — своим отношением? Может, если посмотреть с другой стороны, она сможет увидеть свет, краски, счастье и радость, которые внешний мир может ей дать? Стоит только захотеть, протянуть руку и улыбнуться, как люди станут лучше — и все станет лучше.

Проходя мимо каких-то парней, Ева увидела, как они плюют себе под ноги, о чем-то разговаривая. «Как я вас всех ненавижу».

Она опять одна, и ей скучно. Мила ушла к коллегам, пожелав хорошо провести день.

Ева направилась к подругам по комнате, которые до сих пор не нашли тему для разговора — просто сидели на траве, любуясь небом. «Раз уж нас так распределили, пусть так и будет», — подумала она, подсаживаясь к ним.

- Ева, где ты была? — спросила одна из девушек.
- С Милой обход делали.
- Обход? — удивилась она.
- С Милой? — удивилась другая.
- Да, это наша вожатая, она меня в помощницы взяла.
- Лану искали? — спросила первая девушка, с которой они говорили в душе.
- Нет. Не знаю. Возможно, — растерялась Ева.
- Значит, она пропала?
- Сбежала, похитили, прячется, умерла, заперли, — пронесся шепот.
- Нет-нет, все хорошо, — попыталась разубедить их Ева.
- Откуда ты знаешь? Что Мила говорит? — спросила девушка из душа.
- Я не знаю. — Ева совсем растерялась, перехватило дыхание, и перед глазами возник образ Бамбука, всегда помогавший в трудные моменты.
- Ева! — послышался за спиной спасительный голос Милы.
- А? — Ева испуганно обрадовалась и поднялась на ноги.
- Пошли, надо поговорить.
- Что-то с Ланой? Мы должны знать! — повысила голос все та же девушка, чего нельзя было ожидать от других.

— Нет. — Мила бросила недовольный взгляд на Еву. — С Ланой все хорошо, ей просто нужна была помощь, она скоро вернется.

Мила улыбнулась всем и, взяв Еву за руку, направилась в сторону психиатрического корпуса.

- Какого черта? — спросила она.
- Ну, с ней же все хорошо.
- Нет, с ней вообще ничего хорошего, мы понятия не имеем, что с ней, где она.
- Но ты же сказала...

— Я сказала то, что должна была, а вот ты с этим не справляешься. Может, я поторопилась сделать из тебя помощницу?

— Я ничего им не говорила, — почти со слезами выговорила Ева, не ожидавшая такого давления.

— Ладно. Сейчас тебе надо пройти медосмотр, главное тут — психолог.

— Зачем?

— Все будут его проходить, но ты — вне очереди, чтобы тебе разрешили быть моей помощницей.

— Ладно, раз надо.

— Ты в порядке?

— Да.

— Извини, что накричала. Тяжелая ваша смена, проблема за проблемой.

— Ты хочешь сказать, мы особенные?

— Нет, особенная только ты, поэтому постарайся не накосячить. Я тебя снаружи подожду.

И вот настало время ужина. По окнам стучал летний дождь — всего несколько минут, но было приятно. Ева усмехнулась, вспоминая свою вчерашнюю шалость, и решила ее повторить, скользнув к выходу и следя за реакцией Милы. Та, в свою очередь, поймав довольный взгляд новоиспеченной помощницы, догадалась о ее планах и поспешила навстречу.

— Ничему тебя жизнь не учит? — с вызовом спросила она.

— Может, мне понравилось, — улыбнулась Ева.

— Ну, тогда присаживайся, — Мила указала на соседний стул, — подождем.

Одна из вожатых бросила на них суровый взгляд. Соседки Евы, выходя из столовой, смотрели с недоумением.

Когда все ушли, Мила повела Еву в сторону от корпусов.

— Я думала, мы идем к скамейке, — удивилась Ева.

— Это были трудные дни, и мы с тобой заслужили нечто большее, — загадочно сказала Мила.

— Куда мы идем? — встревожилась Ева.

— Это сюрприз. Думаю, тебе понравится.

Ева напряглась, но Мила так улыбалась, что пришлось ей поверить. Только луна и звезды освещали им дорогу, но этого было достаточно, чтобы не заблудиться. «Мы вроде здесь не проходили», — подумала Ева.

Ночной воздух чище и нежнее дневного, особенно после дождика, а пение сверчков — улада для ушей. Наверно, Ева думала об этом, когда хотела сбежать с любимым далеко от городов. Только на природе она могла чувствовать, что жизнь на земле еще возможна, что она счастлива.

Мила остановила ее, пообещав, что позовет через минуту. Ожидание всегда томительно, особенно когда не знаешь, чего ожидать, но Ева не пошла следом, а согласилась ждать. И вот она слышит свое имя.

Ева прошла несколько десятков шагов и увидела Милу. Ее лицо сияло и переливалось в оттенках голубого. Взору Евы предстал бассейн. Небольшой, метров десять в длину, выложенный плиткой и освещенный луной.

— Что это?! — громче обычного произнесла Ева, улыбаясь.

— Ты же этого хотела. Извини, что без Бамбука, но пока только так.

Этот воздух, эти свечи, эта луна, этот бассейн. Ева вновь ощутила что-то в груди. Нечто похожее на легкость, удовлетворение. Это и называется счастьем.

Девушки сели на траву у воды. Никто не решался нырнуть, ведь купальников не было: они здесь под запретом.

И Мила сделала первый шаг. Нет, не полезла в воду, а расстегнула рубашку и, оголив грудь, легла на влажную траву. Ева, стараясь не смотреть на нее, слегка отвернувшись, тоже откинулась, положив ладонь левой руки под голову и подняв при этом локоть, словно стараясь защититься от Милы.

Нежный серовато-голубой свет ласкал ее волосы, руки, грудь, словно очищая тело и душу от плохих мыслей, от воспоминаний, не отпускавших даже рядом с Бамбуком. Она приоткрыла рот, чтобы вдохнуть воздух этого леса, свет этой луны. Руки сами раскинулись, и левая коснулась руки Милы. Это было блаженство. И вот уже Ева смотрит сверху на лицо Милы. Их губы все ближе и ближе.

Поцелуй случился, и по телу Евы побежали мурашки. Она не могла оторваться. Через мгновение их разгоряченные тела соприкоснулись. Руки и ноги переплелись. Мила гладила Еву всюду, тряпки, их разделявшие, отлетели прочь. Для них уже не существовало никого и ничего — даже если бы люди показались между деревьев, это не смогло бы их остановить. Как единое целое, они покатались в воду...

Вспышки фотокамер они не заметили, продолжая постигать друг друга, время от времени всплывая на поверхность, чтобы глотнуть воздуха и передать его из легких в легкие.

Все хорошее имеет одно ужасное свойство — оно когда-нибудь заканчивается. И сейчас это случилось быстрее, чем предполагалось. Истошный крик директора лагеря так прервал их идиллию.

Когда девушки отпрянули друг от друга, они смогли оценить масштаб трагедии. Немалая толпа с неописуемым восторгом разглядывала их нагие тела, прикрытые только прозрачной водой. Произошел локальный конец света для отдельно взятых двух девушек. Накинув халаты, брошенные кем-то в бассейн, они проследовали за директором под громогласные крики «Позор!». Для Евы все вернулось на свои места, и тоненькая, еле заметная белая полоска, проступившая в ее жизни меньше часа назад, вновь сменилась непроглядной тьмой. Когда она опустилась на стул в кабинете директора, крики и возгласы остались позади, но только не для нее. Глядя на директора, Ева видела Бамбука и свою сестру, кричавших «Позор!», а на спине чувствовала взгляд отца. Она уже не понимала, где находится, и уж тем более не могла слышать всего, что говорила директор лагеря. Не заметила она, и как ее вывели из кабинета и направили к психиатру. Не почувствовала уколов, после которых ее сознание погрузилось во тьму.

Здесь была тишина, и мозг смог наконец расслабиться и расставить все по местам. Пробудившись, Ева поняла, что жизнь больше никогда не будет прежней и остался только один выход — сделать то, что у нее не получилось после смерти брата.

Туман в глазах прошел, и Овсянка увидела, что лежит на больничной койке в одноместной палате. Из окна дует теплый ветерок. Мышцы расслаблены, а разум напрягся сразу после пробуждения. За дверью послышался разговор, и Ева притворилась спящей, но, когда дверь распахнулась и кто-то вошел, глаза открылись сами. Это была Мила.

— Проснулась? — тихо спросила она.

— Да, — подтвердила Ева. — Как дела?

— Более чем плохо. Меня уволили, за тобой едут родители.

— Зачем?

— Директор не считает целесообразным твое дальнейшее пребывание здесь. Хотя всю вину переложили на меня, тебе будет трудно ужиться с остальными после вчерашнего.

— Как это произошло?

— Как всегда и происходит.

— Я и не представляла, как это бывает на самом деле. Прости.

— За что? — не поняла Мила.

— Тебя уволили из-за меня. — У Евы потекли слезы.

— Нет. Это было мое решение. Я тебя спровоцировала.

— Да? Тогда ладно, — Ева улыбнулась. — Ты виновата.
— Так лучше.
— Что ты теперь будешь делать?
— Вернусь в свой город, найду работу, если получится.
— Почему не должно получиться?
— Не хочу об этом говорить, но лучше не заходи в интернет.
— Что? Это все теперь в интернете? — Ева подскочила, но треск в голове остановил

ее.

— Тихо, тихо, — Мила дотронулась до ее плеч. — Думаю, это никому не интересно.
— Мила, вспомни, чем мы занимались, и подумай еще раз.
— Все забудется. Все будет хорошо.
— Ничего не забудется. Жизнь станет еще хуже. — Ева разрыдалась.

Миле нечего было возразить.

— Мне пора уходить, — она вытерла Еве глаза.
— Это конец? — Ева взяла руки Милы в свои.
— Может, это начало. Начало чего-то большего.
— Нет. Это точно конец.

— Ты вернешься к себе, — у Милы глаза тоже стали влажными, чего она совсем не ожидала. — Вернешься к своему парню, и все у вас будет хорошо.

— Мы больше никогда не увидимся? — Ева сжала руки Милы, не желая их отпускать.

— Обязательно. Однажды. — Мила посмотрела в окно. — Вот точно в такой же летний солнечный день. — Мила вдохнула полной грудью. — Мы уже будем другими людьми, ты выйдешь замуж, станешь успешной... ну, например, в журналистике, будешь лучшей мамой на свете. И в этот прекрасный миг ты будешь в отпуске, далеко от дома, и вдруг в ресторане на тебя нахлынут теплые чувства, не те, что ты испытываешь к мужу, твоему Бамбуку, — надеюсь, к тому моменту ты уже узнаешь его имя, — ты не поймешь, в чем дело, немного потеряешься во времени и услышишь до боли знакомый голос. Ты обернешься, наши взгляды встретятся, и это будет наше мгновение. Только наше. Мы забудем о людях вокруг и останемся вдвоем.

— А дальше? — вдохновенно спросила Ева.

— Дальше все будет зависеть от тебя. — Мила поцеловала ее в лоб и направилась к двери.

— Значит, до встречи? — Ева протянула к ней руку на прощание.

— Я люблю тебя. — И Мила растворилась в дверном проеме.

Мила понимала, что это их последняя встреча, сердце ее разрывалось, но она сделала главное — подарила Еве надежду, смысл ее дальнейшего существования. Хотя Ева уже не была ей только подругой, последняя фраза была сказана не просто так — это было самое искреннее, что она когда-либо произносила.

Раскрасневшаяся, со слезами на глазах, еле дыша, Мила выбежала из здания больницы. Ей было холодно, несмотря на разгар лета. Она в последний раз обернулась, прошептала «Я люблю тебя» — и исчезла навсегда.

Расставанье — маленькая смерть

Алекс опять проснулся в поту. Это стало нормой после того, как месяц назад он вернулся в родной город. Возвращаться к учебе оказалось поздно, и он вынужден был ждать следующей осени. Это наводило на него еще больший ужас, ведь за одной партой с ним больше не будет Вити — единственного человека, кто его не раздражал. Придется вливаться в новый коллектив — для него это была одна из самых болезненных тем.

Этот год он будет работать, развозить документы за гроши. Мама найти новую работу пока не смогла, но благо у нее остались сбережения, чтобы выжить в ближайшие месяцы.

Несколько раз Алексу доводилось проходить мимо дома Евы. В груди что-то сжималось, но в любом случае она сейчас далеко, и почти наверняка им больше не суждено встретиться. Жизнь, вернее жалкое существование, временно вернулась в привычное русло, и осталось только плыть по течению и не брыкаться.

И он плыл, и плавание было бы бесконечным, но в тот день произошло то, что и должно было произойти.

Был выходной, но в полдень мама заставила Алекса пойти за хлебом. Она стала очень требовательна к нему после всех этих событий. Алекс не сомневался, что мама считала его виновным в том, что ее спокойная и счастливая жизнь разрушена.

Проходя мимо места первой встречи с Овсянкой, он бросил взгляд на канаву, где тогда споткнулся, но ее заасфальтировали. И эта часть жизни, связывавшая его с Овсянкой, исчезла, скоро не останется даже воспоминаний.

— Да, я тоже обратила на это внимание, — послышался за спиной такой нежный, такой родной голос с хрипотцой.

На его губах расплзлась улыбка, но, повернувшись и увидев самое прекрасное лицо во вселенной, он перестал улыбаться.

— Привет, — сдержанно махнула рукой Ева.

— Привет, — постарался кК можно суше ответить Алекс.

— Вот это и произошло, — улыбнулась Ева, отводя взгляд в сторону.

— Почему ты в городе?

— Рада, что ты не видел, — смущенно сказала она.

— Чего не видел? — не понял Алекс.

— Уже неважно.

— Ладно.

— Ладно, — согласилась Ева.

Им больше нечего было сказать друг другу.

— Ева, — начал Алекс подбирать слова, — с момента нашего расставания, — ее лицо сжалось в неловкой улыбке, а в глазах мелькнула боль, на мгновение сбившая его с мысли, — с того дня многое изменилось.

— Все изменилось, — прошептала Ева.

— Ты — лучшее, что было в моей жизни, но... — он запнулся, забыв, о чем думал минуту назад.

— Пора прощаться, — договорила за него Ева.

— П-прости.

— Я буду помнить тебя. — Ева смахнула слезу со щеки.

— Всегда, — сказал Алекс.

Он хотел было обнять ее напоследок, но понял, что будет только хуже, и отступил.

— Прощай, — сказала Ева, уже не обращая внимания на слезы, развернулась и медленно пошла прочь.

— Меня Александр зовут, Саша!

— Теперь это точно конец. — Ева улыбнулась ему и ушла.

Сегодня они уронят еще не одну слезу. Души их будут разрываться, мысли путаться, но оба знают точно только одно: это правильное решение, открывающее дорогу в лучшую жизнь, в новую жизнь, жизнь порознь. То, чего еще совсем недавно они так боялись, сегодня стало их обоюдным решением. У Евы появилась Мила, тоже покинувшая ее, но нарушившая нерушимую связь с Бамбуком. У Саши жизнь тоже изменилась, оставив от Овсянки только теплые воспоминания и острую боль в душе, которую он сам себе и причинил.

Каждая история имеет конец, но, к сожалению, мы живем в мире, где нет места хеппи-эндам. Вот и эта история имеет...

Конец — это всегда начало чего-то большего

Любой смысл жизни теряется после диагноза «рак». Эту болезнь ничто не предвещает, она ни от чего не зависит. Первое время в организме не происходит никаких изменений, часто никто даже не знает о раке до вскрытия. Рак непобедим, а человек победим. Принято считать, что Бог забирает лучших, но зачем тогда ему планета из худших? Зачем вообще кого-то забирать в самом расцвете? Одно я знаю точно: после того как я отойду в мир иной, у меня будет очень много вопросов, но, боюсь, не будет никаких ответов. Человечеству, правительству неинтересно процветание рода человеческого, и вместо поиска лекарств все средства тратятся на изобретение самых эффективных способов лишения жизни. Люди прокляты от рождения, и только избранные преодолевают проклятье и доходят до логического финала своего короткого путешествия. Можно смириться с тем, что люди убивают себя, поглощают алкоголь, наркотики, принимают участие в различных столкновениях, но рак не зависит от этих факторов, он просто появляется в один момент, и очень повезет, если даст о себе знать на первых порах. Моей маме не повезло.

Я прекрасно помню тот день, когда я, вернувшись с работы, застал ее трясущейся на кровати: она узнала заключение онколога. В тот вечер я не отходил от нее, пытался успокоить, но счет пошел уже на недели. После лошадиной дозы успокоительных она уснула, но больше уже не проснулась. Сердце не выдержало.

Еще утром, съев по тарелке овсянки, мы с ней мечтали, куда отправимся отмечать мой двадцать седьмой день рождения. Это был только наш с ней день: она родила, а я родился. Так и случилось, вот только в наш день я в последний раз поцеловал ее в лоб и бросил горсть земли на крышку гроба. Ох, сколько у меня будет вопросов.

Нет больше никакой жизни, и нет смысла существования. Я не могу возвращаться домой. Этот город, в котором я прожил всю жизнь, больше не может приносить радость. Он слишком пуст.

В первые дни я хотел разорвать все связи с этим местом ради выживания.

Первое мое заявление об уходе начальник выбросил в урну, но затем мы пришли к соглашению, что через месяц я стану свободным человеком. Риелтор пообещал найти покупателей в те же сроки. Что будет дальше? Дальше я отправлюсь искать новое место, новый дом. Осталось только разобраться, чего же я хочу. Но сейчас я не хочу ничего.

К последней рабочей неделе меня практически освободили от работы. Преемник найден, практически всему обучен, покупатели тоже нашлись. Осталось только отпустить. Сделать один маленький шагочек, но он всегда самый трудный.

— Эй, решил уже, куда отправишься? — прозвучал из-за плеча голос коллеги.

Мы обедали.

— Нет. Как деньги получу, так сразу и отправлюсь, — сухо ответил я.

— А ты гаражи для вещей на сколько снял? — сел он за стол напротив меня.

— На три месяца. — Я продолжал есть.

— Думаешь, этого хватит, чтобы начать новую жизнь? — не унимался он.

— Аренду всегда можно продлить.

— Я бы так не смог.

— Я тоже, — с натянутой улыбкой ответил я.

— У меня есть предложение, как тебя проводить, — толкнул он меня в плечо, потянувшись через стол.

— Я лучше просто исчезну.

— Тебе надо познакомиться с девушкой, — сказал он с деловым видом.

— Ты шутишь? Меня не будет здесь уже через неделю. Какие девушки? — разозлился я, но беседа меня уже заинтересовала.

— Да ты не парься. Просто познакомись, сходите куда-нибудь, а дальше дело техники, — распланировал он.

— Я так не могу.

— Друг, тебе надо развеяться, ты и был угрюмый, а после случившегося... — он сделал паузу, обдумывая слова, — на тебя смотреть страшно.

— Вот. Тем более — какие девушки? Мне пора работать. — Я встал из-за стола надеясь на продолжение разговора.

— Хватит ломаться. Сегодня вечером, в ресторане.

— В каком ресторане? — спросил я будто бы раздраженно, ведь я еще не согласился.

— Тут, через дорогу. Не помню название. Столик на твое имя заказан. В пять вечера.

— Но я против, — неуверенно возразил я.

— И что? — задал он логичный вопрос, на который у меня не было ответа.

— Кто хоть она? — смирился я с судьбой.

— Подруга сестры, тоже странная, как ты. Какая разница, если через неделю ты больше ее не увидишь?

— В этом-то и проблема, — пробубнил я. — Хорошо, может, на самом деле это хорошая идея.

И мы разошлись по рабочим местам.

Я никогда не был любителем ресторанов. Вернее, был замечен за употреблением курочки в ресторане быстрого питания, но в приличном обществе это место рестораном называть не принято.

Обыкновенные рестораны — с меню и официантами — я радовал своим присутствием только в редкие юбилеи редких родственников. За мои двадцать семь лет количество таких походов не перевалило за десяток. И каждый раз рядом была мама.

Наверно, сейчас мама пришла бы в восторг, узнав, что не она ведет в ресторан своего сопротивляющегося сына, а сын ведет девушку в ресторан.

А ведь маме это нравилось. Почему только сейчас мне в голову пришла мысль, что надо было сводить ее в ресторан? Конечно, у всех есть оправдание — отсутствие времени. Но, если подумать, время найдется на все, было бы желание. Единственное, что удерживает нас от многих поступков, так это нежелание что-либо делать, лень, эгоизм, а нехватка времени — лишь удобная отговорка, для самого себя в первую очередь. Но осознаешь это, когда уже совсем поздно. Не счесть, сколько раз я говорил себе, что надо меняться, начинать шевелиться, переступить через себя, но передо мной вставала стена лени. Мне так было удобно: дома всегда ждут, любят. Но всему приходит конец. И только когда все кончилось, это подтолкнуло меня к действиям.

Ресторан занимал двухэтажное здание, кирпичное, без всяких ухищрений. Я завис у входа, уставившись на вывеску: Eclipse solar¹. Она горела белым светом во тьме. Глаз зацепился за банальное, но любопытное дизайнерское решение: буква S в названии общая, но первое слово написано будто от руки, а нижнее набрано строгим шрифтом — соответственно, S в каждой дуге изогнута по-разному.

Холод погнал меня внутрь. Отряхнув снег и сдав куртку в гардероб, я растерялся, не зная, что делать дальше, но вдруг перед моим носом возник человек, спросивший, заказан ли у меня столик. После неуверенного «да» он спросил мою фамилию, изучил журнал и сказал, улыбнувшись, что девушка меня уже ждет.

Неужели это правда происходит со мной? Она сидит спиной к выходу, и я вижу только распущенные светлые волосы чуть ниже плеч и открытое нежно-голубое платье. Медленно, но верно ноги несут меня к ней, оставляя все меньше шансов на побег.

Я всегда завидовал людям, умеющим завести разговор с кем угодно и когда угодно. Одним словом, людям без комплексов. Мне было приятно находиться в их обществе, и диалоги обычно превращались в их монологи. Периодически у меня возникала мысль, что я

¹ «Солнечное затмение» (исп.).

так тоже могу, но каждый раз я еле слышно здоровался со всеми, никому не глядя в глаза, и продолжал влачить свое жалкое существование.

— Привет, извини за опоздание. — Я неловко сел, боясь взглянуть на нее.

В ответ она промолчала, и я поднял на нее глаза.

Бесконечное детство

«Согласен», — отчетливо сказал жених, не в силах оторвать взгляд от невесты. Слова «Объявляю вас мужем и женой» позволили ее поцеловать.

Произнесены они были чуть меньше пятидесяти лет назад. Сколько взглядов было с тех пор, сколько поцелуев.

«Саша, я хочу вернуться на родину, в наш город, хоть на мгновение» — эти слова положили начало сегодняшней поездке на машине. Ева болеет слишком давно, и болезнь одерживает победу.

Александр недолго думал, понимая, что это может быть последнее желание его жены.

Руки плохо слушаются, но автопилот помогает удерживать электромобиль на гладкой магистрали. Они ехали уже очень долго, когда на горизонте показались давно забытые места.

— Память играет со мной злую шутку или мы почти на месте? — раздался еле слышный голос Евы с соседнего сиденья.

Александр улыбнулся ей, стараясь не отвлекаться от дороги. Ему было больно видеть в таком состоянии женщину, с которой он прожил жизнь, трудно подбирать слова, тяжело находиться рядом, но чувства были уже не такие яркие, как много лет назад.

Промелькнула вывеска, оглашающая въезд в город. Как давно это было...

Многие здания исчезли десятки лет назад, но знакомые черты проступают и дополняются уже притупившимся воображением.

Александр вдруг заметил, что дыхание Евы стало прерывистым, и повернул к больнице, стоявшей на том же месте.

Внутри здания он понял, что и особого ремонта здесь не было, и персонал ненамного моложе его самого. Зато торговые центры блистали огнями.

Санитары донесли его жену до палаты. Ей сделали несколько уколов, поставили капельницу. «Сейчас сон для нее — лучшее лекарство», — сказал врач взволнованному старику.

Александр хотел было на него накричать, но не стал и сел на стул в коридоре в ожидании чуда. Это единственное, что ему оставалось.

Он не питал иллюзий, что они еще проживут вдвоем. На кладбище у них уже есть участок — под деревом, недалеко от реки. Пожалуй, самое красивое не занятое место, за которое пришлось отдать все, что они смогли накопить с пенсии.

— Я не хочу умирать здесь, — услышал Александр, тихонько войдя в палату.

— Ты не умрешь. — Он сам не понял, зачем это сказал.

— Я хочу в тот лес, к тому мосту...

— Но там, быть может, и леса уже нет.

— Хочу умереть там, — через силу проговорила она и стала смотреть в окно, не решаясь взглянуть на мужа и понимая, как ему тяжело.

Доктор, к которому он обратился, был против: без медицинского наблюдения в стационаре долго она не протянет.

Но она угаснет и здесь. Надо выполнить ее просьбу.

Время для посещений беспощадно к взволнованным родственникам: все должны удалиться с территории госпиталя. Александр не исключение и, будучи оторванным от жены, он против своей воли оказался на улице.

Ева бы что-нибудь придумала, она всегда могла найти выход из любой ситуации, но сейчас ее нет рядом. Не физически, но что-то толкнуло старика на ступеньках. Кости уже не

те, до кожи чуть дотронешься — остаются синяки, и это падение, не навредившее бы ему молодому, оказалось едва ли не фатальным для него теперешнего.

Они с женой иногда говорили о том, что привыкнуть к их нынешнему облику никак не получается, а сейчас уже и времени на это нет.

Положили его в соседнее отделение этажом выше, в палату прямо над Евой. На одной руке гипс, в другой — капельница. «Вот так и померем, — прошептал Александр. — Она будет улетать и меня захватит, благо лететь недалеко». Медсестра скупно улыбнулась, добавив изъезженную фразу «Не в мою смену», и оставила старика наедине с его мыслями.

Он вдруг рассмеялся, вспомнив, как они нашли конечности в реке, — их ведь сбрасывали в водоем из этой больницы. Ее тогда, кажется, даже закрыли, но никого так и не уволили. Наверняка ничего не изменилось за эти годы.

Летом ночи короткие, но рано или поздно они окутывают планету тьмой. Однако над ними уже давно одержали верх технологии, вывески, фонари, не позволяя утонуть во тьме и разглядеть хоть одну звезду на темно-синем небе.

Ночь все не хотела кончаться, а сон — найти своего хозяина. Александр поднялся с койки и, тяжело подволакивая ноги и волоча за собой капельницу, сумел дойти до двери. Он оказался в тускло освещенном коридоре. Посмотрев по сторонам, не увидел ни души, а храп, доносившийся из соседних палат, говорил о том, что сейчас время сна, и он медленно двинулся в сторону лестницы. Но через несколько шагов остановился: причиной была не боль или усталость — он смотрел на кресло-каталку у одной из палат.

И вот он катит ее к лестнице. Это оказалось бессмысленным занятием: здесь не было пандусов. Пришлось идти в другой конец коридора, к лифтам, чтобы спуститься на этаж ниже.

Ева спала. Поднять ее не удалось бы и двумя здоровыми руками, а одной в гипсе — тем более. Нужна была ее помощь, и Ева проснулась.

— Ева, я за тобой.

— Куда мы идем?

— Поедем в наш лес, как ты и хотела.

— Но мне тут так хорошо. Я не хочу уходить.

Александр вдруг понял, что она начала разговаривать, значит, ей лучше остаться в больнице.

— Ты права, тебе тут помогут.

— Мне уже ничего не поможет, — из последних сил вымолвила она сухими губами.

Александр увидел, что улучшения если и есть, то только временные.

— Помоги посадить тебя на эту каталку.

Ева повернула голову, попыталась пошевелиться, но ничего не вышло, и она отвернулась, пряча мокрые глаза.

Надо было что-то решать. Александр вышел из палаты в надежде, что решение придет само собой. Из пустого коридора он стал заглядывать в каждую палату, но на этом этаже лежали пациенты в крайне тяжелом состоянии, и он поехал на лифте вниз. Удача ему улыбнулась — он наткнулся на крепкого молодого мужчину.

— Сынок! — окликнул его Александр, хотя прежде никого так не называл.

— Ой, дед, ты что тут делаешь? — направился тот в его сторону.

— Мне бы помощь пригодилась.

— Какая помощь? У вас все хорошо?

— Мне нужно вывезти жену из этой больницы.

— А я зачем нужен? — остановился мужчина, разведя руками. — И почему ночью?

— Она при смерти, врач не отпускает, но ей нельзя здесь умереть. Надо посадить ее на каталку, а дальше я сам справлюсь.

— Если врач не отпускает, значит, на то есть причины?

— Вы не поможете? — У Александра опустились руки.

— Ну, пойдем посмотрим.

Через несколько минут они были в палате Евы.

— М-да, она в тяжелом состоянии.

— Посадить бы ее в это кресло, а дальше я сам, — повторял старик.

— Прошу прощения, но вы же понимаете, что я тоже врач и правила для всех одни? — решил уточнить мужчина.

— Я... — Александр выдохнул, — я просто хотел увезти ее отсюда.

— На инвалидной коляске? Далеко бы вы не уехали.

— Мне бы только до машины.

— И как вы посадите ее в машину?

— Да какая уж теперь разница...

— Если кто-то узнает, что я помог вам сбежать, меня уволят, — почесал затылок доктор.

— Да кто узнает!

— Учитывая камеры по всей больнице, думаю, никто, — улыбнулся он.

— Вы сомневаетесь, а у нас уже не осталось времени на сомнения, — раздался голос Евы.

— Так нельзя, — прошептал врач.

— Так надо, — ответил Александр.

Им повезло встретить человека, потерявшего родителей, которые так и не успели осуществить свою мечту.

Врач посадил Еву в кресло, отключил капельницу Александра и, велев выждать десять минут, отправился на парковку, к их машине.

Александр не очень-то любил все новое, ведь старое всегда лучше, да и мозг со временем перестал воспринимать новые технологии, но одним из немногих достижений, которые его покорили, стали парковки, где электромобили заряжались сами, и таких было неисчислимое множество по всей стране.

Они двигались к выходу, где-то рядом слышались веселые голоса и смех, как будто праздновали день рождения, путь к свободе никто не преграждал.

Доктор, убедившись, что беглецы расселись по местам, пожелал им удачи и отправился продолжать празднование, с которого отлучился на обход. Он заметил на прощание, что койки для больных превращаются в кресла-каталки нажатием одной кнопки. Машина бесшумно тронулась с места и исчезла с первыми лучами солнца на горизонте.

По пути к лесу Александр притормозил там, где жил когда-то. Сердце замерло, и перед машиной прошел маленький Саша с мамой, за спиной у него был огромный портфель. Они проехали дальше, и он притормозил у места, где была та самая лужа. Мимо мелькнула юная Ева, которая вот-вот превратится в Овсянку, споткнулся новоиспеченный Бамбук.

В зеркале заднего вида Александр заметил магазин по продаже лечебной марихуаны, стоявший на месте его прежнего дома. Он покачал головой. Можно было проехать мимо дома Евы, но от воспоминаний о нем никому не станет лучше.

И вот электромобиль подъехал к лесу. Парковок поблизости не было, и Александр решил оставить машину у начала тропинки. «Хоть что-то не изменилось», — пробормотал он, разглядывая деревья через лобовое стекло.

Но лес изменился. По краям он оказался урезанным наполовину, и теперь через него проходили несколько трасс.

Старик вышел из машины и вдруг услышал, как открылась задняя дверь. Из нее шагнула Ева.

— Я смогу пройти, — вдохнув лесной воздух, сказала она.

— Ты уверена? — испугался он за нее.

— Ну не ты же меня понесешь. — И она с усмешкой посмотрела на его гипс.

Александр обрадовался, ведь он не подумал, как доставит ее до места.

Они взялись за руки и медленно пошли по тропинке. Александр не сразу заметил, что жена несет под мышкой какую-то коробку, но решил пока об этом не спрашивать.

— Ты помнишь, куда идти? — спросил он.

— Ну не на тебя же надеяться, — тяжело посмеялась она.

— Хождение за тобой тоже не всегда приводило к чему-то хорошему.

— Не поняла?

— Вспомни хотя бы Мексику.

— Ой, подумаешь, в больницу попал. Через месяц ты уже мог говорить. — Они засмеялись. — Но, согласишься, это было незабываемо.

— Это было чудесно.

— Зато вспомни ту яхту, — ее голос начал слабеть.

— Ту, на которой мы попали в шторм, или ту, у которой закончилось топливо вдали от берега?

Ева упала. Она потратила все силы на этот рывок. Сейчас она только хрипло дышала. Александр подтащил ее к ближайшему дереву, коробка была зажата в ее руке.

«Не дошли», — подумал он, и вдруг услышал отдаленное журчание. Он оставил жену и прошел вперед. Перед ним была поляна и речка, а дальше по течению виднелся гнилой, но целый мост.

Приток адреналина случается даже в самом неадреналиновом возрасте. Подхватив Еву здоровой рукой и преодолевая боль в сломанной, он потащил ее к мосту. Во что бы то ни стало Александр решил исполнить ее последнюю волю.

Он опустил ее на землю, прислонив к опоре моста. Ева открыла глаза, осмотрелась и, улыбнувшись, протянула Александру коробку.

Дрожащей от боли, усталости и волнения рукой он открыл ее.

Перед ним был кусочек пластика на нитке, напоминающий половину чего-то. Слезы навернулись ему на глаза, и стало горько оттого, что он давным-давно потерял свою часть и успел забыть об этом символе их первой встречи. Александр надел амулет на шею жены.

В коробке были еще и рисунки. Часть — просто пейзажи, а часть — изображения парня и девушки на белом фоне. Он положил их на землю и достал какую-то ткань, которая оказалась платьем. Тем самым, в котором она ждала его тогда в ресторане.

В коробке осталась только тетрадь. На растрескавшейся и потускневшей обложке были нарисованы мультяшные звери и стояло слово «Дневник» с пропущенными буквами Е и второй Н.

— Пожалуйста, читай вслух, — произнесла Ева.

— Дорогая... — Он взял ее за руку.

— Читай, мне полегчает, — сделала она движение губами, пытаясь улыбнуться.

— Хорошо.

Александр открыл первую страницу и увидел аккуратный почерк своей жены, какой был у нее в юности.

Дорогой дневник! Сегодня я решила впервые открыть подарок десятилетней давности. Помню, как увидела в каком-то мультфильме, что у персонажа есть дневник, и все уши прожужжала родителям, чтобы купили мне тебя. С тех пор много воды утекло, много было радостей и переживаний, но я все не решалась к тебе подступить. Бывали годы, когда я о тебе даже не вспоминала. Просто не знала, как начать, к чему приурочить свои мысли, чтобы их описать.

Сегодня ты удачно подвернулся мне под руку. Я все еще так и не поняла, что случилось, но, кажется, я влюбилась. Правда, знать бы еще, что такое влюбленность, но, по-моему, это то самое. Что же произошло? Хороший вопрос.

Я, как обычно, села в автобус. Еще бы десять секунд — и я бы на него не успела. Ого, если задуматься, может, сегодня был последний шанс на твоё спасение и тебе повезло. Надеюсь, и мне тоже.

В автобусе оказался парень — понятия не имею почему, но он привлек мое внимание. Всю дорогу он меня разглядывал, а я старалась его игнорировать, но что-то мне мешало. И вдруг я вспомнила, что видела его один раз, когда он покупал ведро куриных крылышек в фастфуде. Уже тогда меня в нем что-то заинтересовало. А сегодня мы встретились. Я проявила инициативу, и... завтра у нас свидание. Мне кажется, что сам бы он никогда ко мне не подошел, судя по его заиканиям и падению в лужу. Думаю, будет весело. Надеюсь, завтра все пройдет удачно...

На полях были нарисованы стебли бамбука.

После сегодняшнего я долго не усну. Это было ужасно. Я держала себя в руках, делала вид, что все нормально, но это вообще ненормально! Ох, эта наша находка в реке, в лесу! Это ужасно..

Снова привет, дорогой дневник! Он подарил мне букет цветов. Это было странно, неловко, но КАК ЖЕ ЭТО МИЛО! Мы купались в речке, на мне была только белая футболка и шорты, под ними ничего. Наверно, я на что-то надеялась сегодня, но... Странно все это, может, он меня не любит?..

В нашем городе открылся парк развлечений. Мы катались на горках, он выиграл мне в тире плюшевого зайца. Как же я его люблю...

Дневник, все мои записи посвящены ему, любимому Бамбуку, это мое решение. Поэтому ты, похоже, отслужил: я исписала тебя только наполовину, но сегодня он вышел из моей квартиры. А скоро выйду и я. Ох, какие истории должны были быть в тебе — за этот день, да и дальше, но случилось то, что случилось. На данный момент прощай.

На станции были видны разводы, и бумага в нескольких местах покоробилась от влаги.

Привет, дневник, не ожидала, что снова открою тебя, по крайней мере так быстро, но сегодня мы встретились. Я даже узнала его имя — Саша, Александр. Хорошо звучит, но больше мне эта информация не нужна. Я изменила ему с Милой. Ты о ней не знаешь, да тебя это и не касается.

Я чувствую себя ужасно, но, наверно, это было единственно правильное решение. Мы больше не те, что были раньше, и во всем виновата только я. Думаю, мне стоит осуществить задуманное еще со времени смерти брата — убью себя на его могиле.

Теперь точно прощай. Пожалуй, сожгу тебя, унесу с собой. Прощай.

За столько времени я уже забыла, как писать. А сколько же прошло? Десять лет? Не верю, что это происходит со мной. Ты же меня еще помнишь? Ох, в тебе осталась та невинная девочка, и я рада сообщить, что я вернулась, она вернулась, ОН ВЕРНУЛСЯ!

Мне все еще кажется, что это сон, чудес ведь на бывает? НИЧЕГО ПОДОБНОГО! Чудеса случаются. Как это я тебя нашла? Как я ЕГО нашла?

Ты, должно быть, не понимаешь, что происходит, но сегодня я пошла на свидание вслепую (не осуждай меня, это был в первый и теперь уже, надеюсь, в последний раз), на которое меня отправила одна знакомая, точнее подруга, но мои записи — не о ней. Там мы и встретились.

Он почти не изменился. Возмужал немного, стал крепче физически, но заикается так же, как в первый раз. И знаешь что? Он сейчас спит В НЕСКОЛЬКИХ САНТИМЕТРАХ ОТ МЕНЯ!

Меня переполняют эмоции, сейчас не могу все спокойно описать, но я еще вернусь...

Вот мы и уехали из этого города, нашего города, теперь уже, наверно, и не вернемся. Прости, хочется спать...

Я стала все реже и реже обращаться к тебе. Хотелось бы написать, что все наладилось и слишком хорошо, чтобы быть правдой, но сегодня я была в больнице. Даже Саша пока ничего не знает. Ох, как тяжело писать об этом.

В общем, я бесплодна. Когда нас избивали в детстве, в том лесу, мне что-то повредили, и теперь у меня никогда не будет детей. Осталось набраться сил и сказать ему. Надеюсь, еще увидимся, пока.

Он, кажется, даже не расстроился, сказал, что, кроме меня, ему никто не нужен, что, раз судьба так решила, пусть так и будет.

Даже не знаю, что чувствую. Напишу позже, пока.

Ох, что случилось! Я обещала себе и тебе, что мои записи будут только о нем, но не могу сдержаться.

Уф, надо собраться с мыслями.

Я вроде бы не писала, что мы уже неделю отдыхаем в Новой Зеландии.

Мы сидели в ресторане, ожидали заказ, как вдруг за соседний столик СЕЛА МИЛА. Я однажды уделила ей несколько слов, может, ты помнишь. Это было невероятно. Оказывается, она переехала сюда С ЖЕНОЙ.

Я была рада встретиться, она тоже все помнит — подошла ко мне, когда наши взгляды пересеклись. У нее все хорошо, и мне от этого — тоже.

Дорогой дневник, я уже несколько десятилетий не прикасалась к тебе. Хранила, иногда перечитывала... Сегодня тоже открыла — и поняла, что пришло время для последней записи. На последней странице — вот так совпадение.

Давно хотела поставить точку, но не могла придумать как, ведь это не пустой звук для меня, это конец эпохи, конец нашей истории.

Сейчас есть серьезный повод для этого. Я больна. Смертельно. Даже с нашей нынешней медициной мне осталось совсем недолго. Мне не больно, я уже ничего не чувствую, просто тихо умираю.

Непонятно, как Саша будет жить без меня, сможет ли приспособиться? Мы столько лет были вместе, но смерть нас разлучает. Как же это несправедливо...

Мы прожили лучшую жизнь, пережили все, что можно было пережить, он делал меня счастливой каждый день. Перед смертью я хочу, чтобы Саша прочел мой дневник.

P. S. Надеюсь, ты выполнил мою просьбу, взглянул на нашу жизнь моими глазами, что-то вспомнил, над чем-то посмеялся, может быть, даже всплакнул. Ты с каждым годом становился сильнее, но я тебя покидаю. Прости меня за это. Это все — из-за моих неправильных решений. В моей смерти виновата только я, прости.

Спасибо тебе за все подаренные мне минуты, за радость, за печаль, за лучшую жизнь. Прощай.

Дорогой дневник, спасибо тебе, что выслушивал все, что было у меня на душе, порой ты был единственной поддержкой и опорой для меня.

Время пришло, осталась одна строка.

Дорогой дневник, прощай.

Александр выронил тетрадку из дрожащих рук.

Дыхание любимой было ровным, но становилось все тише. Сквозь слезы он даже не мог разглядеть ее лицо. Александр стал вытирать глаза и вдруг услышал нежный голос: «Саша, Александр, Бамбук, ты хочешь вновь пережить все прожитые нами мгновения, все ясные и туманные дни, повторить все сначала?»

Он схватил безжизненное тело. Звуки дыхания пропали, глаза были плотно закрыты, а руки, которые он держал в своих, стали прохладными.

— Это единственное, чего я хочу, — прошептал он.

Длинная дорога

Вокруг все затряслось, словно началось землетрясение, хотя я никогда не был свидетелем подобных природных явлений. Я ударился головой о что-то твердое — раз, другой. И открыл глаза.

Я не сразу понял, что происходит.

— Молодой человек, это конечная, просьба покинуть автобус, — сказала мне полная дама в темной форме.

Я поднялся со своего места и выскочил на улицу. Морозящий дождь привел меня в чувство. Я догадался, что проспал свою остановку и сейчас нахожусь в незнакомой мне части города. Я посмотрел вокруг, оглянулся назад, но пока не мог сообразить, что делать, куда идти. «А была ли вообще девушка в автобусе?» Об этом можно подумать позже, а сейчас надо сориентироваться, в какой стороне мой дом, или спросить у кого-то дорогу.

— Нужна помощь? — послышался голос сбоку.

— Что? — Я развернулся.

Передо мной была она, самое прекрасное создание на земле.

— Ты выглядишь как человек, который заблудился, — она смотрела на меня, прищурившись. — Мне кажется, я тебя знаю.

— Ты не поверишь, — улыбнулся я в ответ.